

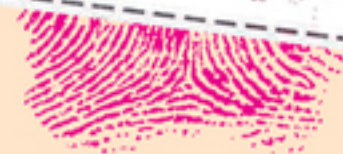

МАРИЯ
БРИКЕР

---

reality detective

Имбирное
облако

Мария Брикер
Имбирное облако

«ЭКСМО»

2007

Брикер М.

Имбирное облако / М. Брикер — «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-18910-6

Обстановка в спальне была интимной и соблазнительной: ароматические свечи, черный шелк постельного белья. Картину портил только обезображенный до неузнаваемости труп мужчины. Следователь Быстров впервые столкнулся с таким странным делом: убийца есть – девушка застрелила насильника, но вот кто он?... Полина сама позвонила в милицию. Она не узнала ночного незваного гостя – он был в маске. Но кто мог решиться на такое – разыграть жуткую сцену, описанную Полиной в своем романе? Ведь его еще никто не читал, кроме...

ISBN 978-5-699-18910-6

© Брикер М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Брикер

Имбирное облако

Маме, самому близкому человеку на свете

Пролог

«Он называл ее Лилу, а вскоре вышел фильм Бессона с Милой Йовович в главной роли, рыжей глазастой Милой... Нет, его Лилу совсем не походила на главную героиню голливудского фильма. Его Лилу была соткана из бликов северного сияния и млечного света звезд...»

– Твою мать, – Майкл Софин раздраженно щелкнул клавишей мыши и отправил документ в «корзину». Что за наказание такое? Сплошная графомания потоком идет. А так все хорошо начиналось: «Он называл ее Лилу...» Красиво. А потом бац! – и «сотканная из бликов северного сияния и млечного света звезд». Это как вообще понимать? Как подобное можно издать? Где они, Дэны Брауны и Джоаны Роулинг? Где?

Майкл раздраженно схватил со стола бутылку пива, отхлебнул из горлышка и скривился: пиво оказалось теплым и противным. Оно и неудивительно, жарница в Бостоне стояла несусветная. Солнце шпарило немилосердно, било по окнам, лезло в комнаты, даже кондишеры не помогали. В последнее время он часто вспоминал Россию. По ночам снился снег, голубой хрустящий снег, узоры на окнах, березы. Да что говорить, в Америке он жил уже больше пятнадцати лет, но так и не смог ее полюбить.

– Darling! – крикнул он, развернувшись на крутящемся одноногом стуле к двери лицом. – Darling, could you bring me cold beer, please!¹

На его просьбу никто не прореагировал. Все ясно, его несравненная «дарлинг» все еще полоскала телеса в бассейне. Кажется, уже часа три подряд.

– Ну и где найти нормальную заботливую бабу? – проворчал он и поплелся к холодильнику. Как его угораздило жениться на американке?.. Причем четвертый раз подряд... Да еще на дочурке своего делового партнера, недовольно подумал он и, выудив из холодильника ледяную бутылку «Budweiser», посмотрел на молодую жену через окно гостиной. Его «дарлинг» не была соткана из бликов северного сияния, из солнечных зайчиков она была соткана! И из чего там еще... Ничего, кроме пошлых сравнений, в голову не приходило.

С наслаждением потягивая пиво, Майкл вышел к бассейну. Жена лежала в шезлонге и с увлечением проглядывала очередной тупой глянцево-журнал, ее красивое упругое тело, затянутое в ярко-изумрудный купальник, отливало бронзовым загаром, темная грива волос рассыпалась по плечам – красивая пустышка.

Софин поставил бутылку на пол, скинул с себя одежду и нырнул в бассейн. Прохладная вода приятно остудила тело. Майкл проплыл брассом бассейн туда и обратно, уцепился за скользкий бортик, брызнул водой на жену. Супруга взвизгнула и игриво пригрозила ему пальчиком.

– Пошла ты в задницу, – лучезарно улыбнулся Софин, и его «дарлинг» так же лучезарно улыбнулась в ответ.

Он вернулся в кабинет, пребывая по-прежнему в скверном расположении духа, сел за компьютер, проверил почту и замер. Вот оно! – письмо, которого он так страстно ждал! Софин торопливо прочитал текст, щелкнул по вложенному файлу – на экране монитора появилось

---

¹ Дорогая, принеси мне, пожалуйста, холодное пиво! (англ.)

фото, и Майкл на мгновение задохнулся от нахлынувших чувств. ОНА... Она была соткана из бликов северного сияния и млечного света звезд... Боже, как долго он ее искал – свою Лилу...

Глава 1 Быстров

21 сентября

– Значит вы, Соломея Митрофановна, утверждаете, что ваш сосед по коммунальной квартире, гражданин Метелкин, своими хулиганскими действиями причиняет вам моральный и материальный ущерб? – спросил майор Быстров и вздохнул, хмуро поглядывая на грузную бабу, восседающую напротив него на стуле.

Соломея Митрофановна Кукушкина азартно кивнула и скривила рот в улыбке. «Чудо-вище пучеглазое», – с ужасом подумал Быстров, всем сердцем мечтая запустить чем-нибудь в кляузницу. Например, глобусом, что стоял на тумбочке.

Соломея Митрофановна тем временем мечтала совсем о другом – она вождедела иметь отдельную жилплощадь. Желание Соломеи Митрофановны, хорошо понятное любому жителю коммунальной квартиры, осуществить было довольно легко, стоило лишь разменять двухкомнатную квартиру в центре города на две однокомнатные в отдаленных районах Москвы. Но проблема заключалась в том, что это женщину категорически не устраивало: она хотела жить отдельно именно в центре и именно в той квартире, в которой была прописана. Поэтому, когда мечта переросла в идею фикс, Кукушкина принялась методично изводить своего соседа, стараясь любыми способами упрятать его за решетку. Надо заметить, получалось это у Кукушкиной вполне успешно: первый ее сосед по коммуналке уже отбывал наказание в местах не столь отдаленных, получив свой срок по статье 112 – «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью». В один прекрасный день несчастный не выдержал «миролюбивого» характера Соломеи Митрофановны и треснул обожаемую соседку тяжелой табуреткой по голове. Соседа посадили, лишили прописки, и жизнь Кукушкиной засияла яркими красками. Но счастье длилось недолго. Все попытки Соломеи Митрофановны заполучить во владение вождедленную комнату окончились неудачей, а освободившуюся площадь занял новый сосед. Кукушкина на этом не успокоилась. Зализав полученные в бою раны, она все силы бросила на борьбу со следующим претендентом на свою «законную» жилплощадь. И вдруг столкнулась с решительным сопротивлением! Новый «претендент» сдаваться не желал: ничего противоправного не совершал, в драку не кидался и сам начал изводить Соломею Митрофановну мелкими, но ненаказуемыми по закону пакостями, о которых она незамедлительно докладывала в милицию.

Сотрудники правопорядка, которых Кукушкина достала окончательно и бесповоротно, неожиданно приняли сторону несчастного мужика и заворачивали все заявления, поданные против него. Однако легко избавиться от Кукушкиной еще не удалось никому. Соломея Митрофановна, проявляя чудеса изобретательности, ухитрилась прорваться в отделение даже сквозь выстроенные против нее кордоны. Оперативники, получив тревожный сигнал от дежурного, тоже проявляли чудеса изобретательности и мгновенно испарялись. Сегодня Быстрову не повезло. Он немного замешкался, и этим немедленно воспользовалась дама. Робкие попытки майора объяснить Кукушкиной, что старший опер убойного отдела ничем помочь ей не сможет, потерпели фиаско. И теперь на столе у Быстрова лежало очередное заявление, и ему предстояла непростая задача – как можно тактичнее послать склочную бабу... домой.

– В своем заявлении, Соломея Митрофановна, вы не указали, в каких именно противоправных действиях это выражается? – уточнил Быстров.

– В каких, в каких... в сексуально-извращенных, вот в каких! – деловито сообщила Кукушкина.

Быстров ошарашенно взглянул на заявительницу: представить себе, что в отношении Соломеи Митрофановны можно произвести сексуальные действия извращенного характера, было нереально.

– Метелкин что, пытался вас склонить к сожительству? – недоверчиво спросил майор, подавляя в желудке рвотные спазмы.

Соломея на мгновение опешила и, кажется, даже перестала дышать.

– Да ты чево?! – наконец выдохнула она и покрылась красными пятнами.

– Что же произошло? – поинтересовался Сергей Федорович и поковырял шариковой ручкой в ухе, так... чтобы было чем заняться.

– Он... Он мне в борщ напрудонил, – выпучив глаза, заявила Соломея и добавила: – Пакость такая писучая!

«Ну, Метелкин, ну, молодец! Экий выдумщик», – порадовался Быстров, тем временем Соломея Митрофановна продолжала свой трагический рассказ:

– Я грудинку купила, решила себя побаловать маленько. Сварила и вышла ненадолго. Возвращаюсь... А он кастрюльку мою на пол поставил и в нее! В нее!.. Пакость такая писучая! – повторила Соломея Митрофановна, глубоко вдохнула и перешла на деловой тон: – Так вот, обеда меня этот ирод лишил – раз, причинив мне материальный ущерб, и заставил меня пережить моральное потрясение – два. Короче, требую я, чтобы Метелкин понес строгое наказание за свой аморальный поступок.

– Так, Соломея Митрофановна, вижу, дело серьезное. Привлечем Метелкина обязательно. Ишь, что удумал, понимаешь! – Сергей Федорович подавил смешок и нахмурил брови. – Вот только... какие доказательства содеянного вы можете предъявить?

– Не поняла, – сделав ударение на первом слоге, растерялась Кукушкина. – Это ж какие такие доказательства я могу предъявить?

– Кастрюльку с тем самым борщом, к примеру? – мило улыбнулся майор.

– Я что, должна была ее в ментовку припереть? – совершенно искренне удивилась женщина.

– Конечно, это же улика! – с жаром сообщил майор.

– Так это.... Нету.

– Нету. Жалость какая, – состроив трагичную мину, вздохнул Быстров. – А есть ли свидетели, кроме вас, кто видел, что гражданин Метелкин нас... Э... справил малую нужду в вашу кастрюлю с борщом?

– Не веришь мне, начальник, да? – зло фыркнула она, не на шутку разволновавшись: надежда на избавление от ненавистного Метелкина таяла как дым. – А я что тебе, не свидетель? – Соломея стукнула себя кулаком в грудь, примяв кокетливый шелковый бант на платье.

– Уважаемая Соломея Митрофановна, – ласково обратился к ней Быстров. – Я-то вам верю, но для того чтобы привлечь Метелкина к ответственности, этого недостаточно. Поэтому за неимением доказательств и свидетелей инцидента ваше требование не может быть выполнено. Вот если бы кто-то еще видел, что вытворяет ваш сосед, – тогда другое дело.

«Иди домой. Встала и ушла. Встала и ушла», – мысленно умолял майор, однако... гипноз не подействовал.

– Значит, не хотите оказывать мирным гражданам посильной помощи? Да я вас... Я вас всех тут! – завопила Соломея Митрофановна, проворно вскочив со стула. В одно мгновение ее грузное тело нависло над столом, а лицо выразило готовность к решительным боевым действиям. Сергей откашлялся: именно этого он ожидал, но все же стало немного не по себе – разница в весовых категориях была явно не в пользу майора. Отступить некуда – позади стена, озадаченно подумал он. Осталось всецело положиться на судьбу и молиться о том, что здравый смысл восторжествует и злобная баба не решится применить физическую силу, а ограничится лишь ругательствами.

Соломея Митрофановна, тяжело дыша, с минуту буравила Сергея маленькими белесыми глазками. Сергей злорадно ждал, незаметно включив диктофон, приделанный скотчем под столешницей. «Ну, давай, милая, скажи что-нибудь гадкое в мой адрес, и будешь драить ментовку в течение нескольких месяцев! Статья 319 УПК – «Оскорбление представителя власти». Надежды не оправдались. Соломея, видимо, заподозрив что-то неладное, с тяжелым вздохом сдала свои позиции, медленно развернулась на слоновоподобных ногах и, покачивая задом, выкачалась из помещения, не забыв напоследок сильно хлопнуть дверью. В окнах зазвенели стекла, с потолка осыпалась часть штукатурки. Сергей заглянул в свою чашку с кофе: еще не успевший остыть напиток, приготовленный совсем недавно, обильно покрывали белые ошметки. Настроение испортилось. Рядом с чашкой стояла открытая банка из-под кофе «Пеле», сиявшая стерильной чистотой.

– Ну, сделала все-таки бяку, старая корова, – разочарованно сказал Сергей Федорович и с искренним сочувствием подумал о Метелкине. Следующие несколько минут майор с азартом мысленно посылал неллицеприятные эпитеты в адрес Кукушкиной, но, так как он был по натуре человеком неприхотливым и на редкость отходчивым, еще через несколько минут, аккуратно вычерпав ложкой из чашки неаппетитные крошки, забыл о Соломее Митрофановне и ее несчастном соседе.

Сделав пару глотков испорченного напитка, Быстров закурил сигарету и подошел к окну. «Как некстати осень», – недовольно подумал Сергей Федорович: это время года он не любил, как не любил перемен. Зануда и педант – называли его за глаза сослуживцы. «Так уж и зануда! Так уж и педант», – мысленно возмущался он. Зануды не могут так страстно любить джаз. А он джаз любит страстно! Если выпадает свободный вечер и позволяют финансы, топают напрямиком в уютное музыкальное кафе недалеко от дома. Слушать этот самый страстно любимый джаз. Жаль, что свободные вечера выпадают крайне редко, а финансы позволяют и того реже. Но ведь он любит джаз! И курит трубку. Разве зануды курят трубки? Разве педанты тратят ползарплаты на элитный табак «Кевендиш»? И самое главное – у зануд не бывает трубок фирмы «Петерсон»! Это совершенно очевидно, рассуждал Сергей Федорович, выпуская в форточку невкусный сигаретный дым. Трубку он курил втайне от сослуживцев, дабы избежать насмешек в свой адрес. Он прятал ее от других, как ревнивец прячет любимую женщину от посторонних глаз. Берег и лелеял, и трубка отвечала ему взаимностью. Закуривая трубку под хрипловатую завораживающую мелодию Армстронга в интимном сумраке любимого кафе, Быстров обретал уверенность в себе. В тайном пристрастии Сергея Федоровича было еще одно существенное преимущество: ароматное облачко трубочного табака, букет запахов имбиря, виски и ванили магическим образом привлекали к его столику одиноких дам. Так, во всяком случае, Быстрову, казалось, что успеху у слабой половины человечества он обязан именно трубке. Негативное мнение майора о своих внешних данных не смогло изменить даже то немалое количество женщин, которые побывали в его холостяцкой постели. И если бы Быстрова стали убеждать, что на самом деле представительницы слабого пола тают под выразительным взглядом его темных, как антрацит, глаз и млеют от волнующего баритона, то Сергей Федорович никогда бы в это не поверил. Он совершенно искренне считал себя невыразительным субъектом и даже немного сутулился под ношей своих комплексов. Однако сутулость и неприметная, скорее профессиональная манера одеваться совсем его не портили. Пожалуй, единственным недостатком, который можно было бы приписать его внешности, являлась излишняя худоба.

Сергей Федорович докурил сигарету до половины, выкинул ее в форточку, вернулся за стол и с блаженством откинулся на спинку стула. Решение было принято – сегодня он идет немного развеяться, тем более что дома его никто не ждет.

Да, некому было ждать дома майора. К сорока двум годам Сергей Федорович супругой так и не обзавелся, а на все вопросы «почему?» отвечал, что женат на своей работе и разводиться не собирается. Однако майор кривил душой: он все еще надеялся встретить ту един-

ственную и неповторимую женщину, которая предназначена ему судьбой, и искренне верил, что ОНА существует. Однако это нисколько не мешало ему романиваться с обычными женщинами, судьбой не предназначенными, и щедро делить с ними постель. Амуры длились недолго. Скрупулезный и внимательный в работе, Сергей Федорович был довольно небрежен в отношениях личного порядка. Спустя месяц после близкого общения с очередной подружкой он уже не проявлял нежности, не считал нужным дарить цветы, планов на будущее не строил, и разочарованные женщины сбегали от него на поиски более перспективных ухажеров. После расставания с очередной дамой сердца его даже некоторое время мучили угрызения совести, да и перемен он не любил, очень не любил, но вскоре он успокаивался, знакомился со следующей пассией, и все повторялось вновь с небольшой разницей в две-три недели. В данный временной промежуток Сергей Федорович находился в фазе поиска новой подруги. И во всем виновата была осень, которая пришла так некстати и навесила смертельную тоску и страх одиночества. В общем, Сергей Федорович решил, что пора... выбраться покурить любимую трубку.

Мечты о предстоящем вечере прервал легкий скрип двери. Быстров вздрогнул и расплескал многострадальный кофе. На пороге стоял капитан Иван Спицын. Дурацкую манеру своего друга и сослуживца подкрадываться, словно мышь, Сергей Федорович ненавидел и никак не мог взять в толк, каким образом это удастся огромному, как медведь, блондину, обладателю столь не подходящей к его габаритам фамилии. Предварительным стуком в дверь Спицын себя никогда не утруждал, что тоже раздражало Быстрова.

– Напугал, гад, – не очень вежливо выругался он и уже было открыл рот, чтобы строго отчитать Спицына, но посмотрел на кислую физиономию Ивана и передумал.

– У нас труп, – вздохнул Спицын.

– Ясно, – вздохнул и Быстров, простившись с приятными планами на вечер.

Оперативники вышли на улицу. Сергей посмотрел на часы. Слабая надежда на то, что удастся покончить с делами и выкроить часок для улады собственного «я», еще оставалась.

– Слушай, я, пожалуй, на своей машине поеду, – обратился он к Спицыну. – Пока управимся – поздний вечер будет. Оттуда сразу домой рвану. Диктуй адрес.

– Я с тобой поеду и заодно по дороге расскажу, что уже известно по делу, – живо отреагировал Иван на изменение планов, махнул рукой водителю милицейского «рафика», где их ждали эксперты, и жестом дал понять, что они поедут самостоятельно.

Как только старый «жигуленок» набрал скорость, Иван начал вводить Сергея в курс дела.

– В общем, в дежурку позвонила баба и стала пургу какую-то гнать. Скворцов ни хрена не понял из ее слов, кроме адреса. Отправил туда участкового Шишкина. Участковый, прибыв на место, обнаружил труп и, как только проблевался, позвонил в дежурку.

– Все настолько запущено?

– Не то слово! Говорит, кругом кровища и мозги по стенке размазаны.

– А кто звонил дежурному? – перебил Ивана Быстров.

– Я же говорю – баба звонила. А труп – при этой бабе. Но она ничего вразумительного не может объяснить.

– Пьяная?

– Да хрен ее знает! Вроде не пьяная, но голая.

– Спицын, елки! Спасибо, ввел в курс дела. Она – голая. Чудесно!

– Кажется, ее изнасиловали, так Шишкин говорит.

– Не люблю я этого.

– Знаю. И, похоже, ей светит за превышение необходимой обороны.

– Этого не люблю еще больше.

Разные трактовки понятия необходимой обороны сгубили многих безвинных людей, которые защищали свое имущество, честь или жизнь, – так считал Сергей Федорович. Людей по большей части сажали за явное несоответствие в средствах защиты и нападения – и за при-

чинение вреда, явно излишнего для пресечения посягательств. Залез к тебе в дом грабитель, а ты стрельнул в него из пистолета. Приговор – виновен, потому как явной угрозы для твоей жизни не было и грабитель не имел с собой оружия. А еще, не дай бог, если ты выстрелил в спину, пытаясь остановить преступника. Не согласен с такой правоприменительной практикой был Быстров! Но хуже другое: по закону лицо, которому преступлением причинили какой-либо вред, считается потерпевшим. И процессуальное положение подобных «потерпевших» предопределяло и соответствующее отношение к ним работников правоохранительных органов – как к лицам, которые пострадали. И парадокс заключается в том, что опасность деяния совершенного преступления теми же ублюдками-насильниками, которым жертвы давали решительный отпор, повлекший смерть или увечья нападавшего, частенько преуменьшалась и невольно в какой-то мере перемещалась на оборонявшихся.

Что-то подсказывало Сергею, что сегодня они столкнутся с подобным делом, и майор заранее расстраивался. Жертв насилия ему всегда было жалко: не мог он понять, как можно без согласия женщины вступить с ней в сексуальный контакт?

Наконец они добрались до нужного дома. Припарковались и с удивлением обнаружили, что приехали раньше машины с экспертами. Куда подевался милицейский «рафик», всю дорогу маячивший впереди, – осталось загадкой. Постояв пару минут у подъезда, решили все же подняться в квартиру.

Глава 2

Место происшествия

Оранжевые веснушки, щедро рассыпанные по курносому бледному лицу молоденького участкового Шишкина, казались яркими и нелепыми. Сам Шишкин – с несчастной физиономией и в съехавшей набекрень фуражке – подпирал стену лестничной клетки.

– Приехали! – увидев их, с детской радостью завопил он и чуть было не бросился оперативникам на шею, но вовремя опомнился, вытянулся в струну и с глупым видом замер. Михаил страшно волновался. Впрочем, состояние его было вполне понятно – сегодня Михаил Шишкин впервые в жизни увидел настоящий труп. Фотографии в учебниках по судебной медицине были не в счет. Разве можно сравнить картинку в книжке с реальным дыханием смерти? Сергей Федорович лишь со временем научился воспринимать убитого человека как нечто абстрактное, как материал для исследования, из которого можно почерпнуть полезную информацию, что впоследствии поможет раскрыть преступление. Молоденькому неопытному Шишкину это только предстояло.

Иван, также оценивший состояние Михаила, с молчаливого согласия Быстрова удалился на поиски понятий.

– Расслабься, лейтенант, – ласково обратился Быстров к Шишкину и ободряюще похлопал его по плечу. – Расслабься и рассказывай.

– Ну вот, значит, – с важным видом начал Шишкин. – Приехал я проверить, значит, имеет ли место преступление. Вхожу в квартиру, значит. Дверь была открыта. Смотрю, значит, а она на полу в прихожей сидит, – участковый опасливо посмотрел в сторону двери и добавил шепотом: – В полнейшем неглиже, товарищ майор! Я ее спрашиваю: «Что, мол, гражданочка, случилось?» Она показала в сторону спальни. Я туда... А там... Ваще... – развел руками Шишкин: ему явно не хватало словарного запаса, чтобы выразить то, что он увидел. Неожиданно Михаил приблизил свои веснушки к лицу Сергея и выразительно покрутил пальцем у виска: – А девушка-то явно с катушек съехала. Глазищами вращает, молчит и вся такая чумная.

– Где она? – спросил Быстров.

– В гостиную ее усадил и простышкой срам прикрыв.

– И оставил, умник, – скривился Быстров и вошел в квартиру. Шишкин бочком протиснулся следом. – «Скорую» вызвал? – спросил Сергей, осматриваясь. Просторная прихожая, впереди двухстворчатые приоткрытые двери, ведущие в гостиную, слева длинный коридор упирается в туалет с ванной, по бокам две комнаты, справа – кухня. Ухоженная, чистая квартира, жильцы среднего достатка или чуть выше среднего.

– В «Скорую» позвонил почти сразу, как на место прибыл. Задерживаются маленько, – доложил участковый, но Быстров его не слышал. Как только он вошел в гостиную, то понял, что дела плохи.

Она сидела на полу, облокотившись о кресло спиной и уронив голову на грудь. Длинные светлые волосы падали ей на лицо и обнаженные плечи. Простынка, скомканная, лежала у девушки на коленях. На мгновение Сергею показалось, что она не дышит. Быстров присел рядом, осторожно отбросил волосы с ее лица, положил руку на сонную артерию – пульс слабо прощупывался. Майор подхватил девушку на руки – она показалась ему невесомой, легкой, как пушинка. Простыня соскользнула, упала на пол, Сергею стало неловко. Шишкин с очумевшим видом топтался рядом.

– Подними, – прорычал Быстров и аккуратно перенес девушку на диван. Участковый засуетился, схватил простыню, приглушенно вскрикнул, уронил, снова поднял.

– Кровь тут! Что делать-то?! – вдруг завопил он, тыча пальцем в пол, в то место, где раньше сидела девушка. – Умирает девка-то!

– Да не каркай ты! – рявкнул Сергей. – Лучше беги и звони в «Скорую» еще раз, поторопи их. Скажи, что у девушки кровотечение открылось. Делай, в общем, что хочешь, но через пять минут доктор должен быть здесь. Понял?!

– Понял! – проорал Михаил и выбежал из комнаты с простыней в руке.

– Болван, – буркнул Сергей, укрыл девушку пледом и присел рядом – ладони его горели от недавних прикосновений к ее обнаженному телу, неловкость все еще не отпускала. И противно было на душе, потому что его реакция на эту девушку, предположительно жертву насилия, казалась Быстрову какой-то неправильной. Он сидел рядом, разглядывал ее исподволь. «Хорошенькая, – думал он. – Да, хорошенькая, но не более того». Ему вдруг вспомнилась песня группы «Иваси»: «Мой пух на розовых щеках»... «С какого перепугу вспомнилась? – возмутился он. – Не мой, а ее... ее пух...» – мысленно уточнил Быстров, глядя на нежные щеки девушки, – когда он только вошел в комнату, показалось, что ей нет и восемнадцати. Теперь, находясь рядом, на расстоянии вытянутой руки, Сергей понял, что это не так – девушке было не меньше двадцати пяти, но все же выглядела она как ребенок. Милый, славный ребенок... Поддавшись неясному, непреодолимому желанию, он осторожно взял ее прохладную изящную кисть – на запястьях, как браслеты, отчетливо выделялись фиолетовые следы, скорее всего, насильник связывал девушку веревкой. И такая жалость шевельнулась в душе майора, что захотелось утешить эту девушку, пожалеть, как маленькую девочку. «Обалдел, – решил Быстров, ошарашенно прислушиваясь к себе, – совсем обалдел».

Она застонала, открыла глаза и посмотрела на Сергея. От неожиданности Быстров выронил ее руку. Глубокий и таинственный взгляд опытной женщины на таком по-детски трогательном личике в одно мгновение сбил его с толку и свел с ума. Ее глаза, необыкновенные зеленые глаза цвета моря, манили, влекли, завораживали. Он сидел, словно парализованный, обессиленный, растерянный, ему хотелось лишь одного – познать эту девушку. Вот тебе и ребенок... Господи! Он явно переутомился. Пора трубку идти курить. Срочно. Во всем осень виновата. Точно. Осень, которая некстати. Где же «Скорая», елки-палки!

– Кто вы? – прошептала девушка, и голос у нее тоже оказался совсем не детским, низким, с приятной легкой хрипотцой.

– Моя фамилия Быстров, я из милиции. Расскажите, что с вами произошло? – спросил Сергей Федорович тоже с легкой хрипотцой, противной такой хрипотцой, мерзкой.

– Он пришел... ко мне...

– И надругался над вами? – тихо спросил Быстров.

Она болезненно поморщилась, кивнула, ее глаза потемнели, в них плеснулась ненависть. Сергей непроизвольно поежился. Девушка зажмурилась. Когда она снова подняла веки, ненависти в ее взгляде майор не увидел, лишь туманную дымку... Теперь по ее глазам невозможно было что-либо прочесть, так глубоко она ушла в себя.

– Тот человек, который пришел?.. Вы его знали?

– Возможно...

– Возможно – что? Так знали или нет?

– Я придумала его... Мысль материальна. Я придумала его, и он пришел. Все так нелепо... Глупо. Мой роман... Мой муж... Не говорите ему! Прошу вас! Не нужно ему говорить. Пообещайте мне. Обещаете? – Она смотрела на него в упор и ждала ответа.

Сергей торопливо кивнул и спросил:

– У вас был с этим человеком роман?

– Он все равно рано или поздно узнает обо всем. Что тогда? Как быть тогда? Возможно, он сумеет когда-нибудь простить меня... – Девушка вновь застонала и потеряла сознание.

В прихожей послышалась суета. Вернулся Спицын с понятиями, громко объясняя, что от них потребуется. Одновременно с ним в квартиру вошли эксперты, следователь и врачи «Скорой помощи». Все шумно переговаривались друг с другом. Послышался взволнованный лепет Шишкина. В гостиную ввалились врач, круглая тетенька с крепкими руками, и долговязый медбрат с носилками и тут же засуетились возле девушки. «Шерочка с Машерочкой», – почему-то подумал Быстров, отойдя в сторону и стараясь не мешать несуразной парочке оказывать первую медицинскую помощь потерпевшей. Вскоре появился недовольный криминалист Крымов и вялый равнодушный следователь Агапов. В руках следователь держал папку с протоколами. Агапова коллеги звали Инфузорием, был он скользкий, неприятный и никому не доверял. Кажется, даже самому себе. Инфузорий окинул взглядом гостиную, всех, кто в ней находился, и упер свой взор в Быстрова.

– Жива? – кивнул он в сторону девушки.

– Без сознания, – недовольно доложил Сергей. – На минуту в себя приходила.

– Успел ее допросить? Что она сообщила?

– Сказала, что мысли у нее материализовались.

– Чего? – Агапов недоверчиво посмотрел на Сергея, он всегда так смотрел – на всех.

– Не знаю я, – отмахнулся Быстров. – Не в себе она, похоже. Говорит, что тот тип, который в комнате отдыхает, ее изнасиловал.

– Труп видел?

– Там в спальне такая лажа, блин, – подтвердил Крымов.

– Нет еще. Сразу к потерпевшей прошел.

– Потерпевшей... – нехорошо хмыкнул Агапов. – Кто в этом деле потерпевший, это еще нужно выяснить. Уже можно интерпретировать как заведомое причинение при защите значительно большего вреда нападавшему, чем необходимо. Если вообще факт нападения подтвердится.

– На первый взгляд девочка подверглась насильственным действиям сексуального характера, и, похоже, у нее маточное кровотечение. Гематомы на запястьях и внутренней стороне бедер, на спине следы от ударов... Ремнем по ней прошлись, – холодно стрельнув в следователя глазами, сообщила врач. – В гинекологию ее нужно, Гриш, срочно, – сказала она медбрата. – Звякни, местечко забей, хорошее... Жалко девочку.

Медбрат кивнул и вышел в коридор.

«Девочку, – повторил про себя Быстров, – девочку...»

– Я документы ее принес, – влез Крымов. – Вроде она, – раскрыв паспорт и сверяя фото с «оригиналом», сообщил он.

– Пальцы у нее сними, – дал указание эксперту Агапов и уплыл в другую комнату.

– У кого там паспорт? – отреагировала врач, записывая что-то в блокнот. – Диктуйте: фамилия, имя, возраст. Пока буду бумаги заполнять, снимайте свои пальцы. Быстро только. Вообще, конечно... Нехорошо! Нехорошо, – врач недовольно покачала головой.

Крымов передал документы Сергею и занялся девушкой.

– Кравцова Полина Андреевна, – прочитал Быстров, листая паспорт. – Прописана по этому адресу. 28 лет. Родилась в поселке Гордый Тверской области. Замужем. Детей нет. Муж – Кравцов Олег Геннадиевич. Брак зарегистрирован Грибоедовским дворцом бракосочетания 10 сентября...

– Это обязательно.

– Что – обязательно? – переспросил Быстров.

– Где брак зарегистрирован, – усмехнулась врач, быстро сделала пометки и сунула блокнот в карман. Вернулся медбрат. – Все, кто опоздал, тот не успел, – радостно пропела врач, отстранив крутым бедром от пострадавшей Крымова. Тот умчался в другую комнату, довольный, потому что все успел.

Девушку осторожно переложили на носилки. Сергей пропустил врачей и напрягся, переживая всей душой за поклажу: серьезная разница в росте медицинских работников наводила на мысль, что, когда носилки поднимут, крен будет слишком большим и пострадавшая выпадет на пол.

– Помочь? – робко спросил он.

– Сами управимся, не впервой, – буркнула врач, и... обошлось: то ли руки у медбрата были длинными, то ли у врача, напротив, короткими, но сладкая парочка очень ловко транспортировала пациентку за дверь.

Сергей вздохнул с облегчением, вышел следом и тут же столкнулся с Иваном.

– Инфузорий протокол строчит. Судмедиха труп осматривает. Понятые в шоке. Зрелище и правда не для слаонервных.

– Выясни пока что-нибудь о муже Кравцовой.

– Ладно, пойду ревизию проведу в кабинете и в гостиной, – сказал Спицын и направился в комнату.

* * *

В спальне, где произошло убийство, работали эксперты. Периодически щелкала вспышка фотоаппарата. Крымов с Иваном оказались правы – нервным тут делать было нечего.

– Куда подевались-то? Мы приехали, а вас нет, – спросил Сергей, оглядывая место преступления.

– Машина сломалась, – равнодушно ответила судмедэксперт, худая остроносая женщина, диктуя первичный результат осмотра трупа. – Мужчина, правильного питания, на вид 35–40 лет. Длина тела 178 см. Общий цвет кожных покровов бледно-серый. Кожные покровы рук, лица, шеи, в районе подмышечных впадин, груди, спины и живота на ощупь холодные. Смерть наступила приблизительно 15–20 часов назад. Причина смерти – огнестрельное ранение в голову. Половые органы отсутствуют, отсечены острым предметом непосредственно после смерти, предположительно ножом. Пальцы на руках раздроблены...

– Елки, – поморщился Быстров. Кровь и мозги были повсюду: на ковре, стенах, двери.

Спальня, уставленная свечами, походила на комнату, где совершают ритуальные убийства. Большую часть пространства занимала огромная двуспальная кровать с причудливо изогнутой металлической спинкой. Кровать была покрыта черным матовым шелком. На спинке болтался кусок веревки, и от вида этой веревки у Быстрова поползли мурашки по спине. Он вспомнил истерзанные запястья девушки. Чтобы не мешать, Сергей вышел в коридор. Закурил сигарету, задумался. Поверить в то, что хрупкая нежная блондинка с изумрудными глазами сотворила подобное со своим обидчиком, было сложно.

– Может, она извращенка? – высказал предположение Спицын, который, как всегда, подкрался незаметно сзади. – Допустим, развлекалась с любовником, пока муж в отъезде, и увлеклась.

– С чего ты взял, что он в отъезде?

– Шмоток его в шкафу нет, только нижнее белье и носки лежат. Одни женские вещи. И документов тоже... Я везде искал. Нет. Никаких! Просто удивительно: паспорт, права и страховой полис отсутствуют – это понятно, люди такие вещи с собой в сумке носят, но нет дипломов, пропусков, справок, документов на квартиру, старых еженедельников... Билеты вот только и ваучер на гостиницу.

– Если человек едет в командировку, зачем ему все брать с собой? Может, муж от нее ушел, – возразил Ивану Быстров, пытаясь вспомнить, на какой руке девушки он видел обручальное кольцо, а на какой – кольцо с красным камнем. Но так и не вспомнил. – Что за билеты?

– Билеты на самолет, старые, вернее... Блин, как же... – Спицын сморщился, словно в предсмертной судороге, пытаясь вспомнить нужное определение. – Короче, использованные они.

– Использованные, значит, старые, – занудно заявил Быстров.

– Нет, не старые, – возразил Спицын. – Но и не новые. Свежие совсем. Вылет 8 сентября, прилет – 11-го. Оформлены на Олега и Полину Кравцовых. На Кипр они летали. Ваучер из гостиницы «Four Seasons». Пять звезд, между прочим. Шикарный отель в городе Лимасоле. Ты прав – он от нее ушел. Однозначно ушел.

– Погоди. С 8 по 11 сентября? У них брак зарегистрирован 10 сентября. Выходит, что ездили отмечать годовщину. Три года супружества.

– Правильно! Спрашивается, зачем так шикавать, если собираешься уйти из семьи? Остается одно – ушел внезапно, узнав о любовнике. Это еще раз подтверждает мою версию, – не унимался Иван.

– Как ты сказал, Иван, – «увлеклась»? – иронично спросил Быстров. – Здорово так увлеклась, что башку отстрелила в порыве страсти, а затем член отрезала, обиделась, что он ее не удовлетворил. Но и это девушку не успокоило.

– Всякое в жизни случается, – философски изрек Спицын.

Оперативники снова прошли в спальню. Дышалось здесь тяжело. От смеси душных запахов ароматических истлевших свечей, дорогого мужского парфюма и смерти мутило.

– Что это у него темное вокруг черепа раскидано? – спросил Быстров у Крымова, глядя на то, что когда-то было головой. – Я не имею в виду мозги.

– На лице у него была надета маска. А это темное, как ты выразился, – все, что от этой маски осталось, лоскутики такие матерчатые, – ехидно выдал информацию криминалист. – На руках – перчатки из этого же материала. Дверной замок в целости и сохранности. Замок меняли совсем недавно. В кармане убитого обнаружен комплект ключей, один ключик подходит к входной двери, только этот ключик – дубликат, на заказ сделан, и тоже совсем недавно. Сказать точно, им ли была открыта дверь, или девушка, что маловероятно, учитывая маскарад убитого, сама ее открыла, я не могу.

– Личность погибшего нужно установить, – подал голос Инфузорий, оторвавшись от протокола. – Документиков при трупке нет. Займитесь, ребята. Крымов, еще раз картину обрисуй.

– Выстрел был произведен с небольшого расстояния, приблизительно с пяти шагов, из охотничьего ружья. Совершенно очевидно – из ружья, которое нашли рядом с трупом. Убитый в это время стоял у двери и смотрел в сторону кровати. Крупной дробью пальнули в голову и разнесли черепушку на фиг. Падая, убитый вышиб дверь, и тело оказалось частично в прихожей. Затем труп втащили обратно в спальню и провели уже известные манипуляции. Детородный орган отрезали предположительно кухонным ножом, подобный я нашел в раковине. Нож тщательно помыли – отпечатков пальцев на нем нет. Тот это нож или нет, позднее покажет экспертиза. Лицо, как видите, отсутствует, и пальцы не подлежат дактилоскопическому исследованию. Кстати, на прикладе ружья следы органики и крови. Похоже, пальчики трупу раздробили как раз этим ружьишком. Еще моментик – во всей квартире кто-то очень тщательно протер все, что можно было протереть. Кроме ружья.

– Странно все это: с одной стороны, характер повреждений трупа выглядит как месть разъяренной женщины, но с другой стороны – сделано все возможное, чтобы мы не смогли опознать убитого. Не могу поверить, что это сделала она, – выдавил из себя Сергей.

– Поверить сложно. Но если не она, то кто – вот в чем вопрос? – устало вздохнул Инфузорий. – Ладно, думайте, пойду перекурю пока на кухню, провонял весь уже.

– Думаешь, кто-то ей помог? – спросил Иван.

– Может, и так. Например, муж. Возьмем твою версию с любовником. Пригласила она его в гости, а муж неожиданно вернулся домой. Он в порыве ревности убивает любовника жены,

отрезает ему член из тех же соображений. Она испытывает чувство вины, поэтому молчит. Кравцова, когда в себя пришла, сказала: «Возможно, он сумеет когда-нибудь простить меня». Затем они вместе инсценируют изнасилование, и он перебивает ему пальцы на руках, потому что, если мы узнаем имя убитого, то выясним, что связывало этого человека с Кравцовой, и сразу догадаемся об их замысле.

– Звучит убедительно, – перебил Сергея Иван. – Но есть вещи, которые я понять не могу: на фига любовнику маска с перчатками и куда делся его отрезанный орган?

– М-да... Вопрос, конечно, интересный, – вздохнул Быстров. Его версия развалилась. Он и сам понимал, что несет полный бред, да и просьба Полины Кравцовой ничего не говорить мужу казалась в этом случае нелогичной. Но ему так хотелось найти хоть что-нибудь, чтобы оправдать девушку! Маньяк существует, вернее, существовал. Никакой инсценировки не было. Сергей видел состояние девушки, видел синяки на руках, видел ее глаза, но если это Полина Кравцова расправилась с насильником, то ей грозит обвинение.

– ...все обыскал – нигде нет. Может, она это «добро» в унитаз спустила? – Голос Крымова донесся откуда-то издалека, и Сергей даже не сразу понял, о чем идет речь. – Хотя нет – окно! Надо под окнами поискать. На оконной раме и подоконнике следы крови. Вдруг нам повезет, и мы...

Дикий нечеловеческий крик, доносившийся с улицы, заставил Володьку замолчать. Оперативники переглянулись и, не сговариваясь, выбежали во двор.

Глава 3

Странная находка

Евангелиста Георгиевна Смирновская, очень пожилая худощавая дама, поправила свою старую шляпку с огромной искусственной розой и посмотрела в сторону двери, откуда раздавалось слабое поскуливание.

– Не торопи меня, Крыся, это невежливо, – строгим голосом обратилась она к своей обожаемой болонке. Собачка вильнула облезлым хвостиком и затихла. – Ты же знаешь, что в нашем возрасте выходить на улицу без макияжа просто неприлично, – уже более ласково продолжила она, подкрашивая иссохшие тонкие губы. – Надо уметь терпеть. И не надо на меня так смотреть – с укоризной. Сама виновата. До положенного времени еще полчаса, а тебе уже приспичило. Откуда в тебе это только берется, скажи на милость? Два дня ничего не едим!

Дама закончила туалет и «грациозной» походкой прошаркала к двери. Собачка одобрительно тявкнула и с веселым видом выбежала на лестничную клетку. Евангелиста Георгиевна вызвала лифт, нагнулась и подхватила свою любимицу на руки. Болонка ласково посмотрела на хозяйку и нежно лизнула ее в сухую морщинистую щеку.

– Опять? Ты же знаешь, я не люблю фамильярностей, – деля вид, что сердится, проворчала старая леди. – Румяна все с лица слизала, испортила мне макияж... Но даже не в этом дело, дорогая, – на голодный желудок это может быть вредно. Я, например, не знаю, из чего в наше время производят этот косметический продукт. То ли дело тогда, во времена моего детства: маменька покупала косметику только у лучших производителей – натуральную, без химии... – Евангелиста Георгиевна на мгновение погрузилась в воспоминания о своем дореволюционном богатом и сытом детстве, в раздумье вышла из парадного и отпустила собачку. Болонка, как только оказалась на земле, быстро побежала к ближайшим кустикам. Дама медленно пошла следом. От голода ее немного покачивало и мутило. Выросшая в обеспеченной семье и потерявшая когда-то все, она так и не научилась экономить. Раньше было проще. Понемногу она продавала драгоценности и антиквариат, оставшиеся в наследство от родителей. Почти все их имущество конфисковали, но все же кое-что удалось припрятать. Три месяца тому назад Евангелиста Георгиевна продала последнюю представляющую ценность вещь, старинный гарнитур: колечко и кулон в форме сердца. Оценщик, повертев в руках украшения, ее немного разочаровал, сказав, что красные камни – далеко не рубины, как она думала, а всего лишь искусно сделанная имитация. Но так как работа была выполнена старинным мастером, он вошел в ее бедственное положение и заплатил целых пятьсот долларов. По правде говоря, комплект Евангелисте Георгиевне никогда не нравился, и она даже обрадовалась, когда избавилась от него. Как они тогда попиروвали с Крысей! Жили на широкую ногу: ходили в театры и в консерваторию, кушали разные деликатесы. Евангелиста Георгиевна на все культурные мероприятия брала Крысю с собой, пряча ее в специально приспособленной для этих целей сумке.

Вырученные за драгоценности доллары испарились невероятно быстро. Последний месяц они жили исключительно на маленькую пенсию. Евангелиста Георгиевна старалась покупать только самое необходимое, но денег все равно не хватало. Уже неделю они ели только пустую овсянку, а два дня назад кончилась и она.

– Ну ничего, завтра получим пенсию и отпразднуем это событие. Надо же себя баловать иногда. Купим парного мяса, сварим супчик... Что это ты там делаешь, проказница? – заинтересованно спросила Евангелиста Георгиевна, раздвигая ветки кустов, из которых доносились странные чавкающие звуки. – Фу, Крыся! Нельзя ничего подбирать на улице, – строго сказала дама. Болонка на окрик не отреагировала, по-прежнему продолжая что-то жевать. – Выплюнь немедленно! – Собака даже ухом не повела. – Отдай, – старушка нагнулась и после непродол-

жительной борьбы вырвала из пасти Крысы нечто непонятное. – Бросают всякую дрянь с балконов, а несчастные голодные животные травятся, – недовольно проворчала она, с брезгливым видом поднося отобранный предмет к подслеповатым глазам... Идентификация состоялась, и Евангелиста Георгиевна, заорав во все горло, рухнула как подкошенная на землю. Предмет собачьего вождения выпал из ослабевших рук старушки, чем незамедлительно воспользовалась Крыся, моментально проглотив остатки неожиданной находки. Сытая и довольная собака удивленно посмотрела на хозяйку, из уст которой вырывались несвойственные ей очень громкие звуки – ничего подобного она еще не слышала. Ей стало немного неловко за свое непослушание, она подошла к хозяйке, тихонько заскулила и, виновато вильнув хвостом, лизнула ее руку.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Быстров, расталкивая собравшуюся на крик толпу, из эпицентра которой доносились душераздирающие вопли. Зеваки с недоумением пожимали плечами. Никто ничего не понимал. Наконец Сергею удалось протиснуться к объекту.

В кустах сидела худошавая бабуся в нелепой соломенной шляпе, съехавшей набекрень, по ее морщинистому лицу градом катились слезы, косметика размазалась, а вокруг женщины, поджав куцый хвост, вертелась маленькая белая собачка, на которую дама в ужасе показывала рукой, не переставая горлопанить.

– Ее что, собака укусила? – поинтересовался подоспевший Спицын. – Орет, как чокнутая.

– Надо ее немедленно успокоить, иначе она своим криком весь район здесь соберет. Вода есть у кого-нибудь?! – громко обратился Сергей Федорович к толпе любопытствующих граждан.

Кто-то протянул ему пластиковую бутылку нарзана. Майор схватил минералку, подошел к пожилой даме, снял с нее шляпу и вылил содержимое бутылки ей на голову.

Охлаждающий душ моментально подействовал. Горлопанка наконец-то захлопнула рот, и на улице стало на удивление тихо. Даже зеваки перестали перешептываться и с нетерпением ждали объяснений.

– Мы из милиции. Что случилось? – требовательно повторил вопрос Быстров.

– Моя собака... Понимаете, она голодная была... Вы не поверите... Ужас!!! – судорожно всхлипывала бабуся. – Крыся... Крыся...

– Ваша собака съела крысу? – подключился к допросу Иван, желая как можно скорее покончить с инцидентом.

– Да нет же! Ее зовут так, Крыся – не крыса, а Крыся. Понятно?

– Понятно, вашу собаку зовут Крыся. А крыса тут при чем? – задал следующий вопрос Спицын.

– Да что вы ко мне привязались со своей крысой? – раздраженно спросила дама – всхлипывания прекратились. – Крыса какая-то! Ну при чем здесь крыса? Я разве говорила хоть что-нибудь про это животное?

– Тогда изъяснитесь понятнее, – завелся Спицын, выставленный перед аудиторией полным идиотом. – Разорались на весь квартал, собрали народ, работать мешаете!

– Я вас, молодой человек, в слушатели не нанимала! Идите себе, работайте на здоровье, никто вас не держит. Если бы вы ко мне со своей дурацкой крысой не привязались, то давно бы получили полную, исчерпывающую информацию. И вообще, перебивать даму неприлично!

– Извините нас, пожалуйста, – вмешался Быстров, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку и отстраняя подальше от нравоучительницы злого как черт Ивана. – Может быть, вам требуется медицинская помощь?

– Слава богу, нет. Я гуляла с собакой во дворе, и она что-то подобрала в кустах с намерением съесть. Я отняла у нее это, рассмотрела и поняла, что держу в руках мужской... Право,

неловко говорить, – засмушалась дама и кокетливо посмотрела на Сергея, – мужское естество, вернее, его часть. Он... Оно валялось в кустах. Как оно туда попало, я не знаю.

«Зато я знаю», – подумал Сергей Федорович и нетерпеливо спросил:

– Ну и где же он... оно сейчас?

– Я не удержалась... и съела его.

– Кто?!!! – в один голос завопили Иван и Сергей. – Вы?!!!

– Боже!!! Какие же вы тупые... Оба! Я от потрясения на ногах не удержалась, рухнула на землю и выронила из рук сей немаловажный для мужчины предмет. Моя голодная собака этим воспользовалась и, пока я находилась в истерике... (согласитесь, не каждый день такие вещи на улице валяются) доела все, что осталось.

– Так кормить надо собаку-то, – выныривая из-за спины Сергея, ехидно выпалил Спицын. – Тогда не будет все подряд на улице жрать.

Евангелиста Георгиевна растерянно посмотрела на Ивана. Медленно, но с достоинством встала, отряхнула старенький плащ и, не сказав ни слова, побрела в сторону своего подъезда.

Быстров молча смотрел вслед сгорбленной пожилой даме, рядом с которой бежала ее худенькая собачка, неистово виляя хвостом и с виноватым видом заглядывая хозяйке в лицо. И, хотя старушка теперь являлась свидетельницей по делу, он не посмел окликнуть ее и снять официальные показания.

Иван, красный как рак, сконфуженно топтался на месте, ловя на себе осуждающие взгляды людей, ставших очевидцами происшествия.

– Что столпились? – пришел на выручку другу Быстров. – Цирк закончился. Расходитесь по домам!

Глава 4

Поиск очевидцев

– Ну, что там произошло? – нетерпеливо спросил Крымов, когда оперативники вернулись в квартиру. – У вас такие лица, будто вы еще один труп нашли.

– Хуже. Мы потеряли одну важную для следствия улику! – сказал Спицын.

– Так-так, – влез Инфузорий. – Что конкретно?

– Конкретно... Э... – Иван хихикнул.

– Слушайте, не томите, рассказывайте! – взмолился Крымов.

– Твоя версия относительно потерянного мужского достоинства, Володь, подтвердилась, – объяснил Быстров. – Его выкинули в окно, а затем им пообедала голодная собачка, чем ввела в ужас свою хозяйку.

– Ой, бли-и-ин, – скривился Владимир.

– Мням-мням, – заржал Спицын.

– Да иди ты! – Крымов разозлился. – Ладно. Возвращаюсь к делу! Собрал образцы для сравнительного анализа. Ничего интересного больше сказать не могу, кроме, пожалуй, одного: около зеркала в прихожей я нашел пустой подарочный пакетик. Что в нем было – без понятия, но это, по меньшей мере, странно. Как я уже говорил ранее, кто-то протер все, что можно было протереть. Сейчас я думаю – не кто-то, а именно хозяйка. Похоже, Кравцова – патологическая чистюля: в квартире абсолютная чистота, идеальный порядок, нигде нет даже следа пыли, все выскоблено, вычищено, вымыто. Шкафы в идеальном порядке, все стоит на своих местах – и тут вдруг на полу непонятный пакет. Вот я и подумал, что это мое наблюдение сможет вам как-то помочь.

– Спасибо, Володя! Как раз подарочный пакетик нам поможет раскрыть преступление, – съехидничал Иван.

– Да пошел ты! – обиделся Крымов. У Ивана с Крымовым были возвышенные отношения, они постоянно друг на друга наезжали, точнее, посылали... И Спицын пошел... опрашивать соседку, которая билась в истерике на лестничной клетке и от избытка чувств лупила ни в чем не повинного Шишкина кухонным полотенцем по голове.

Через пару часов подводили первые итоги. Вещал Спицын:

– Полина Андреевна Кравцова окончила журфак МГУ. Университет окончила с красным дипломом. Раньше числилась сотрудником «Литературной газеты». Три года тому назад уволилась. Муж, Кравцов Олег Геннадиевич, по словам соседки, уехал неделю назад. Куда – неизвестно. С чемоданом был. Где работает, тоже неизвестно.

– Выясним, – прогундосил Инфузорий. – Что соседка слышала?

– Я это... Значит... Того самого... – неожиданно влез Шишкин и покраснел. Агапов недовольно поморщился, Михаил покраснел еще больше. – В... доме отдыха она была, – выдавил из себя участковый, пытаясь побороть смущение. – Ничего не слышала поэтому, – добавил Михаил уже более уверенно. – И никто из соседей ничего не слышал и ничего не видел по причине своего отсутствия. Как я, значит, понял, здесь это дело обычное и понятное.

– Почему обычное? – спросил Быстров.

– Так осень же! Выходной день. Все на своих приусадебных фазендах лопатами махали. Вернулись только в понедельник – и сразу на работу. На лестничной клетке, правда, дед живет старый, но глухой, как пень, и слепой. Он, согласитесь, Сергей Федорович, никак свидетелем являться не может. – Агапов снова недовольно поморщился. Шишкин выдавал информацию, глядя на Быстрова, и явно считал его авторитетнее. Следовательно это не нравилось. – Ну, думаю,

все – облом, – с увлечением продолжал участковый. – Смотрю, соседка вернулась. Решил я ее в оборот взять, она меня в квартиру пригласила, поговорили немного. Ну и...

– Можешь, не продолжать, – остановил Шишкина Агапов. – Видели мы, как ты ее в оборот взял. И не нуй! Не лошадь.

– Так она!..

– Истерика у нее случилась, когда она узнала, что в квартире труп, а Кравцова в больнице, – объяснил зачем-то Спицын – все и без него это слышали, видели и понимали. – Она сказала, что семья положительная во всех отношениях: ни криков, ни скандалов. Правда, жили довольно уединенно, гостей особенно не звали. Но соседка сама живет здесь недолго. Не так давно переехала. Так вот, она видела, что 12 сентября Кравцов уехал. Вышла мусор выбросить и застала супругов у двери с чемоданом. Соседку это удивило, потому что они недавно с отдыха вернулись. Она и поинтересовалась, куда это они опять намылились. Кравцов ей объяснил, что едет один, по работе. Попросил, чтобы она за женой приглядывала. В шутку, конечно. Только теперь соседке не до смеха.

– Ага! – вновь влез Шишкин. – В общем, хоть Кравцов и в шутку свою просьбу высказал, но соседка в его словах вроде как подтекст услышала. Глупо, конечно, но представляете теперь состояние несчастной старухи? Ох уж ей лихо! Винит она себя, значит, во всем. Говорит, как же я теперь буду Олегу Геннадиевичу в глаза смотреть? Зачем я только поехала в дом отдыха этот проклятый? Если бы, говорит, осталась, смогла бы своевременно известить милицию – перегородки в квартирах тонкие, слышно даже, как сосед за стенкой чихает. А я, значит, задумался. Дай, думаю, ее про путевку расспрошу. Нищета в доме страшная, непохоже, что старуха в состоянии по домам отдыха мотаться. Она мне и говорит, что путевку неожиданно по почте получила, вроде как из Фонда социальной защиты населения, причем совершенно бесплатно. Она инвалид, никуда не выходит. Ну, я и подумал, что ее специально кто-то отослал. У меня у самого мама инвалид, но она сроду ничего бесплатно не получала, положенное лекарство, и то с кровью вырывать приходится...

– Стоп! – прервал Шишкина Сергей. Спицын растерянно заморгал. Участковый снова покраснел.

– Проверить надо бы информацию, – бодро сказал Инфузорий. – Пойду ее опрошу и протокольчик составлю.

Инфузорий впервые обрадовался и ломанулся в соседнюю квартиру.

– Гоблин, – шепнул себе под нос Спицын вдогонку следователю. Шишкин услышал и побледнел.

Пока следователь опрашивал свидетельницу, оперативные мероприятия шли полным ходом. Занялись записями автоответчика. Телефон стоял в прихожей на трюмо с большим зеркалом, которое подходило к спальному гарнитуру. Казалось, что этот предмет мебели оказался в довольно просторной прихожей случайно. Вероятно, хозяева не рассчитали размеров спальни, и трюмо не влезло в комнату. «Еще бы, – недовольно подумал Быстров, – впахнули в спальню не кровать, а настоящий сексодром». Кроме телефона, на гладкой блестящей поверхности трюмо красовались всевозможные бутылочки с парфюмом. Полина Кравцова, видимо, очень любила духи. Рядом с трюмо расположился маленький толстопузый диванчик, обитый полосатым шелком, на нем-то и пристроился Быстров.

На автоответчике было всего два звонка, датированных 19 сентября. Первый, как понял Быстров, был от мужа Полины.

«Котенок, жаль, что не застал тебя дома. У меня все хорошо. К моему большому разочарованию, завтра не смогу связаться с тобой – ты знаешь, почему. Но я помню о твоём дне и, как только появится возможность, позвоню тебе. Люблю. Целую».

Сергей слушал этот приятный мужской голос, и в его душе поднималось необъяснимое чувство раздражения, с каждым словом оно усиливалось, и, неожиданно для самого себя, он резко выпалил:

– Козел! Мотается непонятно где, а жена в больнице кровью истекает.

Спицын ошалело посмотрел на Сергея. Мгновение длилось размышление по поводу странного поведения друга, и, когда Иван понял причину, у него возникло непреодолимое желание съязвить. С языка уже были готовы сорваться ядовитые замечания, но внезапно где-то в глубине его подсознания всколыхнулась интуитивная мысль – ничего говорить нельзя. Сработал элементарный инстинкт самосохранения, и поэтому, подавив коварные помыслы, он трусливо промолчал и перемотал кассету на следующий звонок.

Второе сообщение было от некоего Валерия.

«Привет! Это Валера. Сделал все, что ты просила. Вылетаю в Москву, и мы все обсудим. С наступающим тебя. Я приготовил для тебя сюрприз. Ты точно обрадуешься, когда его...»

Связь оборвалась. На кассете слышались короткие гудки.

– Когда его – чего? – спросил Иван.

– Слушай, не изъясняйся ты, как Шишкин, – раздраженно сказал Сергей, пытаясь понять, что так сильно его беспокоит. Он перемотал кассету, еще раз прослушал сообщения и спросил:

– Какое сегодня число?

– 21 сентября.

– Иван, 20 сентября, то есть вчера, когда все случилось, был ее день рождения!

– Опаньки... – Спицын ошарашенно уставился на Сергея. – Красиво девочка день рождения отпраздновала, ничего не скажешь! Крымов что-то про подарочный пакет говорил...

– Да, похоже, что в нем был подарок для Полины Кравцовой. Правда, не ясно, ждала она кого-нибудь в гости или нет. В холодильнике вроде ничего особенного из продуктов, стандартный набор, разве что банка икры закрытая. Но, может быть, они икру каждый день едят.

– Ложками, – добавил Иван и мечтательно вздохнул.

Они вышли на улицу и сели у подъезда на лавочку. Закурили. Некоторое время сидели молча. Сергей докурил сигарету до половины, щелчком отправил окурки в урну.

– Теперь слушай, что я думаю по этому поводу, – начал майор. – Тот, кто это сделал, выбрал этот день намеренно. Есть в таком поступке что-то ритуальное... Обстановка в спальне, все эти ароматические свечи, расставленные повсюду, черный шелк на кровати – об этом позаботился маньяк. Остальные комплекты постельного белья в шкафу: ситец, сатин, хлопок с кружевами – все в светлых пастельных тонах. Потом – пустая спортивная сумка, которую мы в шкафу обнаружили. Изнутри на прокладке, по словам Крымова, следы воска. Похоже, в этой сумке преступник и принес белье, свечи и веревку. Также у него был дубликат ключа от квартиры. Но самое важное: ему было известно, что в свой день рождения Кравцова будет дома одна! В день рождения принято собирать гостей. Откуда он мог знать, что девушка не будет отмечать свой праздник? Я уверен, именно этот человек организовал путевку для соседки, чтобы избавиться от единственной свидетельницы. Вывод очевиден: насильник либо тщательно и давно следил за девушкой, либо знал ее лично. Он хорошо подготовился, постарался скрыть свое лицо и не оставил отпечатков пальцев. Но что совершенно непонятно – преступник не использовал презерватив.

– Может, хотел заразить девушку каким-нибудь венерическим заболеванием? – предположил Иван.

– Эту версию проверим, когда результат вскрытия будет готов, – поморщился Быстров. – А пока нам нужно перетрясти все связи Полины Кравцовой и внимательно проследить – не пропал ли кто-нибудь из ее окружения? Это все. Пойдем, я тебя до метро подброшу. До дома,

извини, не могу. Хочу в больницу заскочить, справиться о состоянии девушки и с врачом побеседовать.

– До метро не надо, а до продуктового магазина подбрось, – сказал Иван, отряхивая колени. Во время разговора он даже не заметил, что несколько раз стряхнул пепел себе на брюки.

– Что, пивка захотелось? – спросил Сергей, с тоской косясь на свой автомобиль. – Около метро палаток навалом – там и купишь.

– С пивом придется повременить. Дело у меня одно есть, – опроверг догадку Быстрова Иван.

– И что это за дело у тебя в продуктивном магазине? – удивленно спросил Быстров.

– Неважно. Потом как-нибудь расскажу, – задумчиво ответил Иван, пытаясь поудобнее устроить свой зад на сиденье автомобиля и в очередной раз перелистывая странички элегантной кожаной книжки с золотым тиснением.

– Потом так потом, – не стал спорить Сергей и нажал на педаль газа. – Ну что там интересного? – спросил майор.

– Исключительно необщительная дама. В записной книжке только четыре телефона, и практически все принадлежат мужикам, – радостно доложил Спицын. Быстров непроизвольно поморщился, информация, выданная Иваном, подняла в душе новую волну раздражения. Да что ж это такое с ним? Точно, осень виновата, осень, которая некстати. – Телефонов, конечно, больше: магазины, салоны и прочая дребедень, – продолжил разъяснения Иван, – но это просто полезная информация. Вот смотри – только четыре телефона, где указаны фамилии и имена.

– Я на дорогу гляжу, сам смотри, – огрызнулся Сергей Федорович.

– Бабу тебе надо, – вдруг сказал Спицын.

– Чего?! – Быстров с трудом удержал руль, ошалев от подобного заявления друга.

– Так, что там у нас, – торопливо сменил тему Иван. – Юденич Филипп Германович, в скобках стоит Ю – может, юрист, может, еще кто. Следующий – Яковлев Валерий Аркадьевич, в скобках ничего не стоит, зато указан бостонский адрес и телефон.

– Валерий Яковлев. Не его ли звонок записан на автоответчике? Интересно...

– Дальше слушай, версии после будем строить. Затем – Шварц Семен Карлович, в скобках стоит Г – кроме как гинеколог, ничего не приходит в голову.

– Мне, например, приходит много разных ассоциаций, но это я так... к слову, – хмыкнул Быстров. Спицын гоготнул и торжественно произнес:

– И, наконец, единственная женщина – Алла, без фамилии. Телефон указан мобильный.

– Начни, пожалуй, с этой Аллы, наверняка подруга. Выясни у нее, где муж Полины и кто такие эти Ю и Г, а я займусь родителями Кравцовой. Пока все, если не считать проблемы с запаренным компьютером.

– С компьютером, положим, проблему я решу уже завтра. Есть у меня человек, который эту машину за пять минут вскроет.

– Знаю, знаю я твоего человека. Как, кстати, она поживает? Все так же лазает по чужим сетям? – ехидно спросил Быстров.

– Лена работает в большой компьютерной фирме и ничем противозаконным не занимается, – разозлился Иван.

«В расчете», – порадовался Быстров. Спицын сильно комплексовал по поводу прошлого своей дамы сердца. Иван познакомился с Леной, когда она проходила как одна из подозреваемых по громкому делу о взломе банковских счетов, и влюбился. Пока шло расследование, Иван крепился, не выказывая своих чувств, но как только Лена из разряда подозреваемых перешла в разряд свидетелей, Спицын сломался и признался Лене в любви. Девушка ответила ему взаимностью. И хотя причастность подруги Ивана к делу была не доказана, сотрудники безбожно издевались над Спицыным за связь с «криминальным элементом».

– Шучу я, не злись, – примирительно сказал Быстров. И притормозил у магазина.

Глава 5

Интимные подробности

До больницы Сергей добрался быстро, но внутрь входить не спешил. Он думал о Полине Кравцовой, девушке с пленительными зелеными глазами. Почему он медлил, Быстров не понимал и, нахохлившись, как замерзший воробей, сидел в машине и хмуро смотрел через окно на двери больницы. Время шло, дольше тянуть было нельзя.

Заспанный охранник внимательно рассмотрел его служебное удостоверение и подробно объяснил, как пройти в нужное отделение.

Сергей шел по темным пустынным коридорам больницы и думал о том, какой вопрос он задаст врачу в первую очередь, а какой, самый неприятный, оставит на потом. В воздухе витал резкий запах хлорки, лекарств и горя. По роду своей деятельности Быстрову часто приходилось посещать медицинские учреждения, все они сильно отличались друг от друга, но пахло везде одинаково, и он ненавидел этот запах.

– Кого-то ищете, мужчина? – окликнула Быстрова молоденькая медсестричка, оценивающе окинула его взглядом и кокетливо улыбнулась.

Обычно Сергей не упускал возможности пофлиртовать, но сегодня откровенные заигрывания девушки его просто взбесили. «Кругом горе, а эта крашенная мыпра тут мужиков снимает», – подумал он и, сунув под нос девицы свое удостоверение, прорычал:

– Я ищу Соколову Татьяну Игоревну. Срочно.

– По коридору направо, вторая дверь от окна, – лениво объяснила девушка, моментально теряя к Сергею интерес, и ворчливо добавила уже вслед удаляющемуся Быстрову: – Шляются, понимаешь, всякие по ночам – людям отдыхать мешают!

Сергей нашел нужную дверь и остановился в нерешительности. Ему действительно было неловко беспокоить доктора в столь позднее время. Майор постоял некоторое время, переминаясь с ноги на ногу, и наконец осторожно постучал.

– Войдите, – раздался неожиданно бодрый голос из кабинета. Быстров с облегчением вздохнул и распахнул дверь.

В кабинете было достаточно просто, но уютно: много цветов в горшочках занимали весь подоконник, на окне висели занавески приятного нежно-голубого цвета, того же цвета были и стены. Небольшая настольная лампа рассеивала мягкий приглушенный свет. Интерьер портил только маленький потертый диванчик, стоящий рядом с массивным письменным столом.

Доктор сидела за столом и что-то писала.

– Меня зовут Быстров Сергей Федорович, я из милиции, – представился он, пытаясь привлечь внимание женщины.

– Вы по поводу девушки, которую сегодня привезли, так? – оторвавшись от своего занятия, спросила Соколова.

Татьяна Игоревна ему понравилась. Аккуратная прическа, очки в тонкой оправе, доброжелательный взгляд. Очевидно, ее любят пациенты, подумал Быстров. Лицо доктора излучало тепло и умиротворенность, внушало веру в то, что все будет хорошо.

– Вы проходите, – спохватилась она. – Присаживайтесь – в ногах правды нет. Тоже, наверное, целый день крутитесь. Кофе хотите?

– С удовольствием, – с благодарностью согласился Сергей, усаживаясь на стул. Он действительно устал за этот день. Ноги гудели, безумно хотелось спать. Предложенный кофе был как раз кстати.

Она поднялась и засуетилась у маленького столика с чайником. Быстров изумленно посмотрел на доктора. Соколова оказалась очень высокой. Рост под два метра, не меньше.

«Секция баскетбола в школе», – мелькнуло в голове. Его взгляд вновь упал на маленький диванчик, и он невольно улыбнулся. Сразу стало понятно, почему доктор бодрствует в столь позднее время. Она уловила направление его взгляда.

– В моем кабинете идет ремонт, вот и приходится занимать эту комнатку и кое-как устроиться с ночевкой. А вы, наверное, сидите и думаете: как такая каланча умудряется уместиться на этом лилипутском диване? – с иронией спросила Татьяна Игоревна.

– Ну что вы, – смутился Быстров.

– Ладно, не оправдывайтесь. Я уже привыкла, – доброжелательно сказала Соколова, поставила перед Сергеем горячий ароматный напиток, открытую пачку с сахаром и села обратно за стол. – Если хотите – курите. Сама-то я бросила, но табачный дым вдыхать обожаю, хотя это и вредно.

– Раз так, если вам будет приятно, то я с радостью предоставлю вам эту возможность, – пошутил Сергей, закуривая сигарету. Затянулся, но дым все же выдул в сторону, смолить в лицо даме он не представлял для себя возможным.

– Можете считать, я оценила вашу шутку, – улыбнулась доктор. – Теперь о девушке. – Лицо Соколовой стало серьезным. – В настоящий момент Кравцова находится без сознания, но прогноз благоприятный. Организм молодой и здоровый, и, я думаю, скоро она придет в себя. Опасение вызывает только душевное состояние. Несомненно, как только Кравцова очнется, ей понадобится помощь психолога.

– Скажите, Татьяна Игоревна, есть ли вероятность того, что Полина Кравцова принимала наркотики?

– Думаю, что нет. На руках нет следов от уколов, печень совершенно здорова.

– Значит, в крови не обнаружены следы наркотических веществ?

– Ни наркотиков, ни психотропных препаратов, ни алкоголя.

– Понимаете, Татьяна Игоревна, Полина Кравцова сама позвонила в милицию и сообщила о происшествии, но не сразу, а спустя пятнадцать часов после убийства, и для меня загадка: почему она так долго ждала? Возможно, она была накачана каким-то наркотиком или психотропным препаратом или, наоборот, ждала, когда следы наркотика, который она приняла, исчезнут из организма. Теперь, чтобы выяснить ответ на последний вопрос, мне необходимо знать: могла ли девушка просто «играть» с любовником и никакого изнасилования не было, а был половой акт в извращенной форме? Я понимаю, звучит это ужасно, но...

– Ну почему же... Подобное встречается гораздо чаще, чем вы можете себе представить, – перебила его Соколова, и у Сергея все похолодело внутри. – Но в данном случае это не так. Утверждаю как гинеколог с двадцатилетним стажем.

Сергей с облегчением вздохнул, с сердца словно камень свалился: последняя его версия подтвердилась, и теперь он будет землю рыть, чтобы найти хоть что-нибудь, что впоследствии поможет снять с девушки все обвинения, которые собирался выдвинуть против нее следователь Агапов.

– При играх такого рода, – объясняла Татьяна Игоревна, – не бывает подобных повреждений. Смею вас уверить, никакого удовольствия Полина Кравцова от полового акта не получила. Внутренние разрывы слизистой половых органов говорят о том, что в момент сексуального контакта Полина Кравцова не была в состоянии возбуждения. Понимаете, когда женщина возбуждена, то... Да что это я вам так подробно все рассказываю? Вы и сами давно все знаете, не мальчик уже, – рассмеялась Татьяна Игоревна и лукаво посмотрела на красного Быстрова. А ему вдруг захотелось провалиться сквозь землю или выйти из кабинета. Доктор повеселилась еще какое-то время, наблюдая за смущением Быстрова, и продолжила: – Если вы еще сомневаетесь, Сергей Федорович, то я приведу вам последний, на мой взгляд, самый веский аргумент в защиту несчастной девушки. Не думаю, что беременная женщина станет развлекаться подобным образом.

– Беременная?! – ошеломленно переспросил Быстров. – Вы хотите сказать, что Кравцова беременна?

– К сожалению, уже нет. Полина Кравцова потеряла ребенка. Причиной выкидыша мог послужить стресс, вызванный изнасилованием, механическое воздействие или то необъяснимое состояние организма, в котором девушка пребывала, когда это случилось.

– Что вы имеете в виду?

– Как я уже говорила ранее, наркотиков и психотропных препаратов в крови Кравцовой не обнаружено, но наблюдается какой-то бешеный гормональный взрыв. Будто кто-то специально ввел в организм огромное количество гормонов или спровоцировал их выработку. По всей вероятности, именно это и вызвало выкидыш. Больше ничего по этому поводу сказать не могу. Сама ничего не понимаю.

Сергей простился с Татьяной Игоревной и, поблагодарив ее за консультацию и кофе, поехал домой. Соколова пообещала незамедлительно связаться с ним, как только Полина Кравцова очнется. Он вел машину и пытался анализировать, что дает последняя полученная от доктора информация, но так же, как и Татьяна Игоревна, решительно ничего не понимал. В голове все перемешалось. «Почему Полина Кравцова на вопрос о том, знает ли она человека, который над ней надругался, ответила неопределенным словом «возможно»? Какой смысл она вкладывала в свои слова? Была не уверена, что знает его? Или просто была не в себе. А эта ее фраза: «Я придумала его»?

– Не могла кого-нибудь получше придумать, – буркнул Сергей. – Материализация мысли какая-то... Просто дурь!

Нет, Кравцова определенно была не в себе. Теперь в деле появились непонятные гормоны. Они-то каким боком здесь затесались? Если уж врач не может ответить на этот вопрос, то он и подавно бессилён объяснить их наличие в крови девушки. Надо ждать, когда Полина очнется, и многое станет понятно. А пока можно заняться выяснением личности погибшего маньяка, но это завтра. Сейчас же он планировал поехать домой спать, потому что курить трубку ему вдруг резко расхотелось. Отказ от вожденной, запланированной на этот вечер трубки здравому объяснению не поддавался. Когда он подъехал к дому, то заметил за собой еще одну странность: из его рассуждений о потерпевшей исчезла фамилия девушки, осталось только имя, необыкновенное мелодичное имя – Полина.

Глава 6

Упущенная деталь

22 сентября

Сергей проснулся от нестерпимого чувства голода. Желудок сжимался и недовольно урчал, упрекая своего владельца в невнимательности и отвратительном к себе отношении. Надо заметить, упрекать было за что. Если не считать того, что утром в него наскоро затолкали подгоревшую пересоленную яичницу, отвратительный кофе в первой половине дня и кофе более сносного качества, но очень горячий – вечером, то о нем просто забыли. Месть была коварна. Желудок терпеливо ждал всю ночь и взбунтовался лишь под утро, но зато за целый час до звонка будильника.

Быстров неохотно встал и отправился наводить ревизию в холодильнике.

– Пусто, – разочарованно сказал Сергей Федорович, оглядывая голые полки «Стинола». В ответ желудок жалобно булькнул.

В ветхих кухонных шкафчиках, кроме пачки йодированной соли и банки растворимого кофе, тоже ничего не оказалось. «Даже сахар уволокла, зараза», – с грустью подумал майор и тяжело вздохнул.

Сей неллицеприятный эпитет был адресован бывшей подружке, которая пару дней тому назад покинула его и лишила продовольственного запаса. Из вредности, конечно же. Осуждать «бывшую» всерьез Быстров не смел, он никогда не осуждал женщин, которые от него уходили. К тому же подружка была редким исключением в его карьере по завоеванию женского пола. С рыжеволосой пышкой Лолой он познакомился не в кафе, а в магазине. Лолочка работала продавцом в колбасном отделе, носила белоснежный передник и глубокое декольте. Глядя в это декольте, Быстров слотнул слюну, попросил нарезать ему двести граммов «Докторской» и добавил жалостливо, что очень хочет есть. Видок у Сергея Федоровича при этом был действительно несчастный, потому что есть он хотел на самом деле, и очень сильно. Лолочка тут же расчувствовалась, сообщила, что кушать всухомятку вредно, тонко настругала колбаски, вручила ему кулек и сердобольно пообещала накормить Быстрова горячим, как только закончится ее смена. Обещание она свое выполнила и даже перевыполнила. Вечером состоялось их первое «сытое» свидание, а через неделю после знакомства Лола уже стояла на пороге его квартиры, держа в одной руке чемодан со своими вещами, а в другой – пакет с продуктами. Отвергнуть Лолу он не смог. Дома запахло ароматными кулебяками и свежее испеченными пирожками с капустой. На голом кухонном окне появились веселенькие занавески в цветочек, а в ванной – зубная щетка пышечки, разноцветные полотенца и огромное количество баночек и тюбиков с непонятным содержимым. Она была тихой и аккуратной, великолепно подходила ему в постели и, вероятно, стала бы идеальной женой, если бы не ее безграничная тупость. Когда майор возвращался домой с работы и садился вкушать ее кулинарные шедевры, она присаживалась напротив и, подперев подбородок ладонями, живо и очень настойчиво интересовалась его служебными делами. Более всего подругу жизни интересовали трупы, на которые успел выехать за день Быстров. За столом отвечать на подобные вопросы не хотелось, настроение портилось, аппетит пропадал. Но это еще полбеды. Был у Лолы заскок и посерьезнее. Она по особому проверяла готовность спагетти. Происходило это примерно так: наманикюренными ноготками Лола вытаскивала макаронину из кипящей кастрюли и резко подбрасывала макаронное изделие вверх. Сырая макаронина непременно падала на пол, готовая – прилипала к потолку. Способ был верным на сто процентов – за время жизни с Лолой Сергей не ел недо-

варенных спагетти ни разу. Первое время странная привычка Лолы его даже забавляла, до тех пор, пока потолок кухни не превратился черт знает во что и Лола, нежно обвив шею Быстрова и щебеча ласковые слова, не подвела его к стремянке и не вложила в руку скребок.

Странно, размышлял Быстров, а ведь он заметил, что она ушла, только сегодня, когда не обнаружил в холодильнике продуктов. Не обратил внимания на то, что на окне отсутствуют занавески и опустела ванная. Какой бессердечный он, однако! Невероятно, как это Лола доперла своими куриными мозгами, что не нужна ему? Ведь он не гнал любовницу.

Он просто перестал ее замечать. Так было со всеми его предыдущими женщинами. Сергей был благодарен Лоле за то, что она, единственная из всех, ушла тихо, не устраивая сцен и не предъявляя претензий. Продукты, впрочем, было жаль.

Свист чайника прервал воспоминания о Лоле навсегда.

Мерзкий несладкий кофе на время утихомирил желудок. Быстров переоделся и стремительно выскочил на улицу. На работе его ждала почти полная пачка печенья «Юбилейное». Воспоминание о печенье придало его шагу несвойственное для раннего утра ускорение.

* * *

Что может смутить современного мужчину, к тому же опера убойного отдела? Иван Спицын думал, что ничего. До сегодняшнего дня, пока не оказался в женской консультации. В холле проходила рекламная акция, и симпатичная девушка в блестящем комбинезоне тут же вручила ему упаковку гигиенических прокладок.

– Спасибо, – прорычал Иван и попытался вернуть щедрый дар. Однако ничего не вышло, девушка упорно не хотела брать презент обратно и с широкой улыбкой громко тарахтела о крылышках и прочих достоинствах изделия. Либо была полной дурой, либо просто издевалась! Скорее второе, потому что вокруг стали собираться женщины, поглядывать на него с интересом и хихикать. Пришлось затолкать предметы женской гигиены в карман и бежать. Привычный цвет лица к нему вернулся только на третьем этаже, где располагался кабинет Шварца Семена Карловича, обозначенного в записной книжке Кравцовой буквой Г. У кабинета никого не было, Иван постучался, открыл дверь и тут же захлопнул – цвет лица капитана снова изменился. Доктор осматривал пациентку, но дверь на ключ не посчитал нужным закрыть. А зачем, действительно, ее закрывать? Если кругом одни бабы и большинство – в интересном положении? Спицын огляделся: никогда в жизни ему еще не приходилось видеть такое количество беременных женщин. Это ж мрак какой-то!

Иван уселся на диванчик, достал из кармана журнал и стал обмахиваться им, пребывая по-прежнему под сильным впечатлением от только что увиденного в кабинете. Собственно, он ничего особенного не разглядел, только две ножки в красных туфельках, поднятые вверх, но этого было достаточно, чтобы получить психологический шок.

К кабинету, виляя бедрами, подплыла дамочка весьма фривольной наружности.

– Сюда? – кивнула она на дверь Шварца. Спицын кивнул. Дамочка присела рядом на диванчик, закинула ногу на ногу и скользнула по нему взглядом. – Мужик, а ты случайно кабинетом не ошибся? – спросила она и захохотала.

– А я не мужик, а баба, третий месяц, правда, только, – пискляво сказал Спицын и почесал небритый подбородок.

– Извините, – опешила дамочка и смущенно отвела глаза.

Кабинет доктора Шварца наконец освободился, над дверью зажглась красная лампочка. Спицын вошел, стараясь не смотреть на пыточный агрегат, который стоял в углу. Бедные женщины, сочувственно подумал он и сел на предложенный стул.

Семен Карлович оказался очень милым старичком и охотно ответил на все вопросы капитана. К сожалению, ничего интересного о Полине Кравцовой выяснить не удалось, девушка

всего лишь какое-то время наблюдалась у Шварца. Иван вычеркнул имя гинеколога из списка, но сделал некоторые пометки в блокноте для Быстрова, чтобы отчитаться о проделанной работе.

Вылетев на свежий воздух, Спицын выкинул гигиенические прокладки в ближайшую урну, вздохнул с облегчением и направил свои стопы в туристическую фирму, где, по имеющейся у него информации, была куплена путевка для соседки Кравцовых.

* * *

– Ну что за люди, ничего без присмотра оставить нельзя, – грустно вздохнул Быстров, заметив на своем столе полупустую пачку печенья и большое количество крошек. В пачке оставалось всего две изломанные печенюшки. Он наскоро проглотил их и подошел к чайнику, чтобы запить застрявший поперек горла сухой продукт. Воды в чайнике не оказалось.

– Ну вот, так всегда, – обреченно сказал Быстров и, громко икнув, направился к туалету со стаканом в руках. Вода отдавала ржавчиной, во рту появился неприятный металлический привкус. Печенье удалось растворить и пропихнуть в желудок, но икота только усилилась. Сначала Быстров пытался бороться с ней, проделывая всевозможные, знакомые с детства манипуляции: вдыхал в себя побольше воздуха и, заткнув пальцами нос, старался как можно дольше не дышать. Сбегал в дежурную часть и, разжившись там питьевой водой, выпил три стакана мелкими глотками, поколол себя острыми ножницами и даже постоял на руках вниз головой – ничего не помогало. В том ужасном состоянии, в котором пребывал Быстров, радовало только одно обстоятельство – кушать больше не хотелось.

Спустя два часа бесполезных попыток, вконец измученный, он смирился со своей участью и, плюнув на бессовестные выходы собственного организма, набрал номер больницы, чтобы справиться о состоянии Полины Кравцовой. Ответ дежурного не обрадовал: девушка так и не пришла в сознание. Сергей разочарованно хлопнул трубку на рычаг и икнул. Из-за икоты сосредоточиться на делах никак не получалось. Следующий звонок криминалисту тоже его не порадовал. По словам Крымова, обнаруженные на ружье отпечатки принадлежали неизвестному субъекту и Кравцовой Полине Андреевне. Но экспертиза точно установила, что девушка держала ружье последняя и именно она произвела выстрел. Крымов также выдвинул версию, что отпечатки неизвестного субъекта принадлежат мужу Кравцовой, потому что ружье охотничье и зарегистрировано на имя Кравцова Олега Геннадиевича, но отпечатки были старые. Все указывало на девушку.

В квартире Крымов нашел пальцы еще нескольких человек, кроме отпечатков Полины Кравцовой, другие, аналогичные найденным на ружье, опять же принадлежали предположительно мужу Кравцовой. И еще одни, совсем свежие, проходили по их картотеке...

– Как ты говоришь? – уточнил Быстров.

– Я говорю, что пальчики принадлежат Рябине Авдотию Никитовичу, 1964 года рождения. Отбывал наказание по статье 113 УПК. Застукал женушку с любовником и отделал ее по первое число. Получил по данной статье год, но не досидел до окончания положенного срока трех месяцев и бежал. Находится в федеральном розыске. Пока он сидел, жена с ним развелась, продала квартиру и отбыла в неизвестном направлении. Особых примет нет, кроме, пожалуй, того, что он не выговаривает букву Р. Рост, возраст и цвет волос примерно подпадают под описание нашего трупа.

– Жаль, что покойники не умеют разговаривать, – с тоской заметил Сергей Федорович.

– Правда, Рябина худощавого телосложения, а наш труп – коренастого, – заметил Крымов.

– Что ж ты мне тогда мозги крутишь? – возмутился Сергей и икнул.

– Алкоголик неблагодарный, я ему инфу выдаю, а он! У меня все! – обиделся Крымов и бросил трубку.

Быстров озадаченно послушал гудки, снова икнул и тоже бросил трубку на рычаг. Невыносимая икота мешала ему думать и анализировать. Что могло связывать беглого уголовника с семейством Кравцовых? Ничего умного в голову не приходило. Дверь скрипнула, Быстров вздрогнул и икать перестал. Сработал последний известный в народе способ борьбы с икотой: в кабинет в очередной раз без стука, очень неожиданно, ввалился Спицын и напугал его.

– Привет, как спалось? Красивые девушки с ножами и ружьями во сне не являлись? – спросил Иван, предусмотрительно отходя подальше от Быстрова. – Кстати, найденный в раковине нож является тем самым орудием, которым был отрезан многострадальный орган. И хотя на ноже отпечатков не обнаружено, сомнений у меня нет – именно Полина Кравцова лишила насильника мужского достоинства.

– Плохо, что у тебя нет сомнений. Сомнения всегда должны быть. Раз отпечатков нет, значит, ничего не ясно. Закурить дай, – хмуро попросил Сергей, демонстративно игнорируя вопрос Спицына. – Сигареты в машине оставил, а сходить некогда.

– Отправил бы кого-нибудь.

– Я не пользуюсь служебным положением в личных целях.

– Ой, ой, ой, какие мы честные, – иронизировал Иван, выживая из пачки сигарету.

– Может, хватит дурака валять, Спицын! Что удалось выяснить по делу? – раздраженно спросил Быстров, хватая протянутую сигарету.

Иван опасливо присел на стул напротив Сергея. Состояние друга его сильно беспокоило. Во-первых, Сергей называл Ивана по фамилии, а это случалось крайне редко. Во-вторых, взяв сигарету, Быстров не сказал «спасибо», что вообще – просто небывалый случай. Шутить сразу расхотелось. Спицын вытащил из кармана блокнот, раскрыл на нужной странице и перешел к делу.

– Первое, Шишкин оказался прав: соседку Кравцовых отослали из дома намеренно. В Фонде социальной защиты населения меня уверили, что не имеют такой практики, как посылать путевки по почте. У них там строгая финансовая отчетность. При получении путевки отъезжающий в дом отдыха человек должен расписаться на бланках. Путевка была куплена за наличный расчет в туристической фирме «Азивок». Сотрудница, оформлявшая покупку, не запомнила человека, который эту путевку купил. В приходном ордере стоит фамилия соседки Кравцовых. Короче – здесь все глухо.

– Дела о нераскрытых изнасилованиях запрашивал?

– Обижаешь. В первую очередь – ничего подобного и похожего. Подождем заявлений о пропаже мужчин от 35 до 40 лет. Направил запросы во все отделения милиции. Как только подобное заявление поступит, нас сразу известят. Теперь самая интересная, на мой взгляд, информация. В кармане убитого нашли ключи. Тогда я не обратил внимания на брелок. Брелок как брелок – голографическая картинка с видом какого-то города. И только сегодня до меня дошло, что это за город. Здание, изображенное на голограмме, – это отель «Boston Costume House». Догадаться, какое название у города, в котором расположена гостиница с таким названием, не сложно. Тебе это ни о чем не говорит?

– Яковлев Валерий Аркадьевич – американский друг Полины Кравцовой, – с расстановкой произнес Сергей. – Вот так номер! Не он ли у нас в морге отдыхает с отрезанными гениталиями? Что про него известно?

– Проверил я его по компьютеру и выяснил кое-что интересное. Загорская Ольга Петровна, мать Полины, много лет назад подавала на него жалобу с просьбой привлечь Яковлева к ответственности за сексуальное домогательство к ее несовершеннолетней дочери. Полине Кравцовой тогда было четырнадцать лет. Заявление рассмотрели, но факт не подтвердился. В настоящий момент он является американским подданным, проживает в Бостоне. Но 20 сен-

тября, рейсом 678 Бостон – Москва, в 5 часов 30 минут по московскому времени Валерий Яковлев прилетел обратно на родину. В Москве у него осталась квартира.

– Значит, вернулся?

– Это еще не все. В Бостоне он преподает русскую литературу в одном из местных университетов и пишет занимательные книжки. В Америке он достаточно известный и читаемый автор. Пишет эротические триллеры. – Иван замолчал и многозначительно посмотрел на Сергея.

– Звонил по его московскому телефону?

– Звонил. Трубку сняла женщина, иностранка, по-русски говорит, но с акцентом. Сказала, что мужа нет дома, а когда он будет, она не знает. Давай съездим, проверим ключик, найденный у убитого, – подходит он к двери или нет.

– И как ты себе это представляешь? На каком, собственно, основании? Может, он в магазин вышел или по делам пошел? Продолжай периодически ему звонить. С этим вроде разобрались, переходим к следующим фамилиям в записной книжке.

– По поводу Аллы ничего пока сказать не могу. Звонил по указанному телефону, она в зоне недосягаемости. Направил запрос в отдел информации, чтобы выяснить личность. Жду. Шварц Семен Карлович, оказался, как мы и предполагали, гинекологом. Причем не просто гинекологом, а гинекологом-эндокринологом, выражаясь простым языком, специалистом по бесплодию. Как раз по поводу своего бесплодия и обращалась к нему Полина Кравцова. Семен Карлович обследовал девушку и вынес свой вердикт – абсолютно здорова и способна к зачатию. Муж Кравцовой тоже прошел все необходимые обследования в одном из медицинских центров и, как и Полина, оказался абсолютно здоров. По словам Шварца, такой случай в медицине достаточно редок: оба супруга здоровы, а дети не получаются. Но есть специалисты, которые занимаются такими случаями. К такому специалисту доктор их и направил. После этого Кравцова у него не появлялась.

– А что за специалист? – спросил Сергей.

– Ершов Валентин Андреевич, психотерапевт, светило науки, имеет свою клинику в центре.

– Значит, Кравцова прошла лечение у доктора Ершова, и вполне успешно, – задумчиво сказал Сергей.

Спицын удивленно посмотрел на Быстрова:

– Ты у нас, конечно, прекрасный аналитик, но я что-то не пойму, на основании чего ты сделал последний вывод?

– Все очень просто, Иван. Вчера я получил информацию, что Кравцова в результате изнасилования потеряла ребенка. Шварц отправил ее с мужем к Ершову. Если беременность наступила, значит, его лечение помогло. То, что Кравцова была в положении во время изнасилования, поможет нам списать ее действия на аффект. При хорошем адвокате девушку, возможно, оправдают. Так вот, Иван. Я хочу, чтобы слово «возможно» из последнего моего высказывания исчезло. Ты сможешь мне?

Иван понял, о чем на самом деле спрашивает его Сергей. Быстров ясно дал понять, что, если возникнет возможность что-то исправить в деле в пользу Полины Кравцовой, он это сделает сам и просит Ивана оказать ему содействие. Спицын незамедлительно дал положительный ответ. Другого ответа он дать просто не мог. Если уж патологически честный Быстров просит о таких серьезных вещах, нарушая свои принципы, значит, Полина Кравцова не просто понравилась Сергею, а так запала в душу майора, что в одночасье перевернула его устоявшуюся жизнь.

Обрадованный согласием Спицына, Быстров смягчился и перестал хмуриться. Впервые за утро улыбнулся и задал совершенно неожиданный вопрос:

– Слушай, Иван, а что за дело у тебя было в продуктовом магазине? Просвети меня, пожалуйста. Всю ночь не спал, мучился.

Иван смущенно опустил глаза – вопрос застал его врасплох.

– Совесть меня замучила, Сергей, после того, как обидел вчера Евангелисту Георгиевну Смирновскую.

– Это еще кто такая? – судорожно припоминая все известные в деле фамилии и имена, поинтересовался Быстров.

– Пожилая дама в соломенной шляпке, чья собака член проглотила. Вспылил я тогда. Понятно ведь было, что она голодает. В какой подъезд старушка вошла, я видел. Дальше по соседям интересовался. Вечером накупил продуктов – и к ней.

– Она тебя простила? – заинтересованно спросил Сергей.

– Ага, как же! Ничего подобного, даже на порог не пустила. Гордая очень. Сразу видно – потомственная аристократка. Я уж к ней и так, и эдак. Продукты пришлось у двери оставить. Не знаю даже, что еще предпринять, чтобы дама смиростивилась. Жалко ведь, одна совсем живет, помочь некому. Я таких людей знаю – с голоду умрет, но побираться не будет.

Странное поведение Спицына озадачило Сергея. Никогда прежде такой сострадательности в его характере он не наблюдал.

– Слушай, я, кажется, знаю, что надо делать, – решил прийти на помощь Ивану Быстров. – Помнишь, она в шляпке была? Так вот, когда старушка поднималась, то случайно облокотилась об нее рукой, и соломка деформировалась. Ты ей шляпку новую купи. Уверен, что после такого подарка Евангелиста Георгиевна сменит гнев на милость и простит тебя.

Спицын задумался.

– Может, ты и прав... Раз сосисками вымолить прощение не получилось, придется изменить стратегию. – Иван глубоко задумался, вероятно, прикидывая в уме, где раздобыть новую шляпу для аристократки Евангелисты Георгиевны.

– Куда делся муж Кравцовой – удалось выяснить? – спросил Быстров, пытаясь вернуть Спицына к делам насущным.

– Пока нет, работаю.

– Вот и работай.

– Да работаю я, работаю! Ближе к вечеру в гости еду к одному интересному человеку. Зашифрованная буква Ю означает – ювелир. По телефону отказался со мной беседовать, но из его слов я понял, что с Кравцовым они очень хорошо знакомы. Надеюсь, что-нибудь выясню у него.

– А я – к Загорской, матери Кравцовой. Поговорю с ней, узнаю, что там произошло, когда девочке было четырнадцать лет. Мне только к начальнику нужно заскочить. Да, в деле появился один интересный фигурант – Рябина Авдотий Никитович. – Быстров ввел Ивана в курс дела, у Спицына на сей счет тоже никаких версий не оказалось. – В общем, если что выяснишь – звони.

– Всенепременно, – театрально поклонился Иван и вышел за дверь.

Глава 7

Странная девочка

К Ольге Петровне Загорской, матери Полины, Быстров подъехал только к вечеру. О своем визите он договорился заблаговременно по телефону, заранее обговорив время, но вышла непредвиденная задержка, в результате которой он безбожно опаздывал на два часа. Вызов на ковер к начальству затянулся. Когда Быстров наконец освободился от своих текущих дел и выбрался на улицу, его машина наотрез отказалась заводиться. Пришлось тащиться на общественном транспорте, что также отняло времени больше, чем он рассчитывал.

Дом, в котором проживала Ольга Петровна, находился на Кутузовском проспекте и представлял собой великолепный образец качественной постройки сталинского времени. Такие дома в период расцвета социализма строили исключительно для партийной элиты, но селились в них и всенародно известные знаменитости, и просто блатные граждане, имеющие далеко не деньги, как можно было бы предположить, а нужные знакомства с нужными людьми. Лифт, однако, не работал...

Поднимаясь на девятый этаж, Сергей пытался представить, к какому типу из вышеперечисленных жильцов относится мать Полины, и не смог. Девушка не походила ни на дочку партийного босса, ни на дочь знаменитости, ни на чадо торгашей того времени. Как уже было известно, Полина родилась в Тверской области. Скорее всего, после рождения девочки Загорская вышла замуж и переехала с мужем в Москву. Это объясняло, почему в свидетельстве о рождении Полины в графе «отец» стоял прочерк: на то время официального отца у нее просто не существовало.

На шестом этаже Быстров вынужденно остановился. Дорогу ему преградила сухонькая бабулька с прической, названной в народе «а-ля одуванчик». Старушка его не заметила, потому что была занята попытками поднять объемную и явно тяжелую авоську вверх по лестнице. Получалось это у нее с трудом, она тяжело дышала и кряхтела, но занятия своего не бросала.

– Давайте помогу, бабушка, – сердобольно предложил Сергей, выхватывая из ее морщинистых рук сумку. Вес поклажи его поразил. Представить себе, что этот божий одуванчик сама протащила такую тяжесть столько этажей, было довольно сложно.

– Какая я тебе бабушка! А ну, отдай сумку, сейчас милицию позову! – яростно заорала бабуся в ответ на предложенную помощь и попыталась вырвать из рук Сергея свою сумку. Быстров от неожиданности вцепился в ручки авоськи еще сильнее.

– Тихо, тихо, – попытался успокоить он разъяренную бабусю. – Я просто хотел помочь вам отнести тяжелую сумку до вашей квартиры.

– Тоже мне помощничек выискался. Сказала же, отдай быстро сумку! – прошипела старуха, достала из кармана милицейский свисток и решительно поднесла ко рту.

– Стойте! – закричал Сергей, одной рукой ставя сумку на пол, а другой вытаскивая из кармана служебное удостоверение. – Я сам из милиции. Вот, посмотрите.

Бабка придиричиво рассмотрела удостоверение и заметно смягчилась.

– Раз так, тогда неси, – милостиво согласилась она, и, хотя Сергею уже совершенно не хотелось ей помогать, он преодолел в себе неприязнь к злобному одуванчику, списал все на старость и, взяв в руки авоську, поплелся вверх по лестнице.

Бабка гордой походкой вышагивала впереди. На девятом этаже она притормозила и показала костлявой рукой куда-то влево.

– Вон, у той квартиры поставь, – потребовала она.

– У какой той – там их три? – испуганно спросил Сергей: в одной из трех квартир проживала как раз Ольга Петровна Загорская.

– Около 234-й, – ответила бабуся.

Быстров вздохнул с облегчением. Поставил сумку у названной квартиры и подошел к двери с номером 235. Позвонить он не успел. Сумасшедшая бабка оттянула его от двери и заговорщически зашептала в ухо:

– Я про Загорскую все знаю, могу много интересного порассказать.

– Я к ней совсем по другому вопросу, – резко прервал ее Быстров.

– Понятно... – протянула бабуся, и лицо ее скривилось, будто она проглотила жабу. – Желая приятно провести вечер, – ехидно выпалила она и, быстро втащив сумку в квартиру, захлопнула дверь, даже не сказав «спасибо» за оказанную помощь.

Приятная, однако, соседка у Загорской! Старуха Шапокляк – просто ангел по сравнению с этой особой, подумал Сергей и нажал на кнопку звонка.

Дверь тут же открылась.

– Вижу, вы уже познакомились со старой калошей? – вместо приветствия выпалила Ольга Петровна. – Маразматичка, лазает на соседнюю стройку, ворует кирпичи и таскает их к себе в квартиру.

– Зачем? – ошалел Быстров.

– Вероятно, решила замуровать себя изнутри, чтобы после ее смерти квартира никому не досталась. Клиническая идиотка! Что она уже успела напелсти вам про меня, господин Быстров? Так, кажется, вас зовут? – Глаза женщины метали молнии, она еле сдерживалась, чтобы сильно не повышать голос. – Не топчитесь в прихожей. Проходите, раз уж пришли, и не забудьте снять обувь.

«Да что они все, сговорились?» – грустно думал Сергей, развязывая шнурки. Похоже, дом этот заселяли не в порядке очереди, а в порядке большей стервозности: Загорская и ее соседка, определенно, стоили друг друга.

Он прошел в гостиную. Загорская с вызовом стояла посреди комнаты, уперев руки в бока. Красивое аристократическое лицо уже немолодой, но тщательно следящей за собой женщины, правильный овал, прямой, без единого изъяна нос, немного узковатые губы и большие голубые глаза. Одета она была в черное скромное платье, как вторая кожа облегающее ее статную, не по возрасту стройную фигуру. Платье, явно сшитое у хорошего портного или купленное в дорогом магазине, необыкновенно подходило к ее черным, как воронье крыло, волосам. Волосы были гладко зализаны и стянуты сзади в замысловатый пучок, в ушах сверкали дорогие бриллиантовые серьги.

Внешний вид Ольги Петровны говорил о том, что она далеко не бедствует. На это указывала и обстановка квартиры. Все достаточно скромно, но дорого. Роскошный персидский ковер ручной работы, добротные невысокие комоды, заполненные антикварной посудой, стильная мягкая мебель. Неброский пейзаж на стене, сочетающийся по своей цветовой гамме с обоями и с дизайнерскими гардинами, на секунду привлек внимание Сергея. В юности он увлекался живописью и сейчас мог с уверенностью сказать, что картина относится к числу работ известного мастера. Сомнения его были другого рода: действительно ли эта холодная надменная брюнетка приходится Полине матерью? Если отбросить поведение женщины в данный момент, то при всей внешней привлекательности Загорской было в Ольге Петровне что-то неприятное, отталкивающее. Возможно, впечатление это создавали ее холодные голубые глаза, так неуместно сочетающиеся с черными волосами, может, что-то еще...

– Вы пришли поговорить о Полине, правильно я поняла ваше объяснение по телефону? Так вот – я ничего о ней не знаю и знать ничего не хочу. Нет у меня больше дочери – вам понятно? – резко сказала женщина.

– Что тут непонятного? Все предельно ясно. У вас нет дочери. Неясно одно – почему вы заставили меня тащиться сюда через весь город и не сказали ничего по телефону? Спасибо вам за это большое и до свидания.

Он вышел в прихожую, распахнул дверь, но вовремя вспомнил, что не надел ботинки. Руки у него тряслись от злости, шнурки завязываться не хотели, промучившись некоторое время, он бросил это занятие и выпрямился.

– Хотя нет, Ольга Петровна, я все же просвещу вас, не зря же я потратил свое время. Ваша дочь, которую вы таковой не считаете, в настоящий момент находится в тяжелом состоянии в больнице, ее зверски изнасиловали, и в результате она потеряла ребенка. Теперь у меня все. Желаю счастья.

– Подождите! Не нужно... – остановила его Загорская. Цвет ее лица в одно мгновение приобрел землистый оттенок, глаза потухли, от прежней враждебности не осталось и следа. – Выпить хотите? У меня есть великолепный французский коньяк десятилетней выдержки.

– Хочу, – легко согласился Сергей и снова снял ботинки.

Он почувствовал, что Ольга Петровна обрадовалась. Засуетилась у бара, быстро выставила на маленький полированный столик бутылку коньяка и пузатые бокалы. В баре нашлись плитка шоколада, печенье причудливой формы и тонко порезанные дольки лимона, красиво разложенные на специальной тарелочке. Бутылка коньяка оказалась початой, пили из нее явно недавно – на узком горлышке Сергей заметил несколько не успевших высохнуть капель. Объяснение было одно – Ольга Петровна перед его приходом сильно нервничала. Было очевидно, что Загорская беспокоилась за дочь – но почему же она вела себя так странно? Сергею предстояло выяснить это в ходе беседы.

Он сел в мягкое удобное кресло. Загорская расположилась рядом в таком же кресле. Разделял их только стол с закусками и коньяком. Сергей открыл бутылку и разлил ароматную янтарную жидкость по бокалам.

Смеркалось, но Загорская не спешила включать свет. Сергей не настаивал. Он понял, что ей так будет проще каяться, именно каяться за свои грехи, выбрав его, майора Быстрова, своим единственным слушателем. Сергей смотрел на красивый профиль Загорской и молча ждал, когда она будет готова.

Ольга Петровна быстро выпила первую порцию коньяка и жестом попросила добавки, к лимону и другим закускам женщина не притронулась. Алкоголь медленно делал свое дело. Загорская немного расслабилась, черты лица стали мягче. Она посмотрела ему в глаза и, с трудом подбирая слова, сказала:

– Я вам все расскажу, Сергей Федорович, но вы уж не судите меня слишком строго. Сама я давно осознала свои ошибки, поверьте, ничего уже нельзя исправить. Единственным оправданием мне может служить только молодость.

Загорская откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и начала свой рассказ.

* * *

Много лет тому назад, в одном из хуторов Западной Украины, у зажиточного крестьянина Петро Приходько и его обожаемой красавицы жены Светланы родилась очаровательная дочка. Дочку назвали Оленькой. Девочка походила на мать, русскую по происхождению, и Петро души в ней не чаял. Оленька ни в чем не нуждалась, росла в любви и благополучии, пока ее любимая мамочка неожиданно не пропала. С исчезновением матери из дома испарились все ее вещи и любовь отца. Раньше часто пропадающий до позднего вечера на работе в поле, теперь батька почти никуда не выходил и постоянно спал, а когда просыпался, набрасывался на дочь с упреками, обвинял в чем-то и постоянно твердил, что она «материнское отродье». Отродье... Что значит это слово и куда делась мама, Оленьке не объяснили. Спросить было страшно, страшно так, что мерзли ладошки и сердечко замирало в груди... Ее единственный робкий вопрос про маму вызвал такой сумасшедший гнев отца, что девочке с трудом удалось увернуться от его тяжелой руки и спрятаться под кроватью. Как мышь, она пролежала на

жестком пыльном полу до поздней ночи, пытаясь найти ответы на волнующие детскую душу вопросы. И, кажется, поняла все. Именно она виновата в уходе матери, иначе отец не стал бы ее так ругать. Именно она обидела чем-то маму, поэтому та ушла. Каждую ночь, обливаясь слезами, малышка просила у нее прощения, умоляла вернуться и ждала, всякий раз вздрагивая с томительной надеждой от легкого скрипа двери, от женских голосов, занесенных ветром в окно, от неясных силуэтов, промелькнувших около их дома. Оля не знала, что сделала плохого, но тяжелое чувство вины росло в ее душе из-за дня в день, росла и ненависть к ней отца.

Что произошло, Оля узнала позднее. Поняла, что мать сбежала с любовником и бросила ее на произвол судьбы, а отец, безумно любящий и боготворивший супругу, так и не смог простить предательства и всю свою злость вымещал на дочери, как две капли воды похожей на мать. Алкоголь, которым Петро пытался заглушить свою боль, превратил его в животное, не способное на сострадание. Оленька росла грязной, оборванной и голодной. Иногда помогали соседи: кое-что подбрасывали из еды и одежды и, преодолев яростное сопротивление отца, устроили ребенка в школу. Учиться ей понравилось, в школе было чисто и спокойно. В школе она могла наконец-то отдохнуть от пьяных выходок отца, от его нескончаемых упреков и придирок. Знакомые в один голос твердили, что ее отец пережил большую жизненную трагедию и надо постараться его понять и простить. Она прощала, изо всех сил старалась понять, терпеливо сносила все оскорбления и продолжала ждать, что вернется мама и тогда все станет как прежде. Как раньше. И тогда она сможет доказать отцу, что ни в чем не виновата! И он полюбит ее вновь, ласково погладит по головке, обнимет крепко, надарит гостинцев, бросит пить. «Наверное, произошло что-то плохое, и мама не может пока вернуться. Но она вернется обязательно, нужно просто еще немного подождать», – рассуждала девочка, пытаясь оправдать невозвращение матери. Чувство вины постепенно перестало терзать детскую душу и сменилось поиском оправданий.

Шло время. Отец спивался все сильнее, все больше терял человеческий облик. Однажды, вернувшись домой из школы, Оленька, пытаясь убрать на загаженном столе, случайно разбила полупустую бутылку горилки. Петро проснулся от шума бьющегося стекла, оценил полупьяными глазами то, что случилось, и избил девочку до полусмерти хлыстом для скотины. Потом достал из погреба другую полную бутылку, выпил и завалился в постель. Обливаясь кровью, из последних сил Оля доползла до соседской хаты и потеряла сознание. Очнулась она уже в больнице, куда ее, как только нашли, доставили сердобольные соседи. Отца Загорская больше не видела – та бутылка оказалась для него последней. Умер он во сне, так и не осознав, что сотворил, не попросив прощения за содеянное. Но ей было уже все равно. Лежа на животе в задрюпанной больничной палате и ощущая свои свежие шрамы, на память оставленные отцом, она ощущала только ненависть. Безграничную тупую ненависть. Ненависти было настолько много, что с лихвой хватило на деспотичного отца, без видимой причины издевавшегося над ней, на мать, которая бросила ее, и даже на соседей, которые видели все это и не остановили. «На, кушай, детка, вонючие объедки, которые отказывалась есть наша сытая свинья. Кушай, не обляпайся, – кусая больничную подушку, язвила Олечка и цедила сквозь зубы: – Твари! Ненавижу! Всех ненавижу! Отомщу! Отомщу!»

После смерти отца Олю взяла на воспитание семья дальних родственников, и девушка переехала в другое село. Приняли ее хорошо, как свою. К четырнадцати годам Ольга уже выглядела далеко не как подросток. Природа не обделила ее красотой: смоляные тугие косы, дерзкие голубые глаза, пленительные округлости – на новом месте ей прохода не давали здешние хлопцы. Выросшая в селе, насмотревшись на игрища скотины, Олечка прекрасно понимала, чего именно ухажеры от нее хотят, но у девушки были другие планы. Благополучная семья, приютившая Ольгу, приводила ее в бешенство. Раздражали уважительное отношение приемных родителей друг к другу и любовь отца к своим детям: он уделял им так много внимания и баловал, что от злости она лезла на стенку. Часто ласка перепадала и Ольге. И она ласкалась

в ответ, как кошка ласкается к хозяину. Юная «Лолита» знала, что делать, умело расставляя свои сети. Приемный родитель и опомниться не успел, как оказался рядом с Ольгой на сеновале. Жена застучала их как раз вовремя. Ольга забилась в истерике и тут же свалила всю вину на отчима – ей поверили. Приемный отец был с позором изгнан из села, а ее окружили заботой и состраданием. Теперь она жила в привычной с детства среде – вокруг было страдание. Дети с нетерпением ждали возвращения любимого отца, а мать запрещала произносить имя предателя вслух. Ольга была счастлива – месть состоялась.

В 16 лет она познакомилась с молоденьким солдатиком, отбывавшим военную обязанность недалеко от их села. Малолетки ее не интересовали, но тот факт, что мальчишка – москвич, заставил на время забыть о такой мелочи, как возраст ухажера. Вскружить ему голову не составило особого труда – солдатик влюбился, как одержимый. Но время его службы подходило к концу, а делать предложение он не торопился. Ольга занервничала и посетила гинеколога. Поддельная справка о беременности, выкупленная у старого сельского врача за смехотворную сумму, послужила хорошим основанием к браку. Беременеть по-настоящему девушка была не готова. План мог сорваться, и она осталась бы одна с ребенком на руках. Уловка сработала. Мальчишка, узнав о беременности любимой, немедленно попросил ее руки, и молодые переехали в Москву.

Так Ольга Приходько стала Ольгой Загорской.

Ольге необыкновенно везло. Обман, который вскоре раскрылся, несколько не омрачил отношений молодых супругов. Влюбленный по уши муж прощал Ольге все. Ко всему прочему, Антон Загорский оказался сыном обеспеченных родителей. Ольгу они поначалу приняли холодно, но, видя, как молодые счастливы, не стали ставить палки в колеса, выбили им отдельную жилплощадь и не возражали против того, чтобы прописать невестку в новую квартиру.

Так Олечка стала москвичкой.

Обосновавшись на новом месте, Ольга задумалась о будущем. Из дома она предусмотрительно захватила диплом об окончании школы, где стояли великолепные оценки. Отец Антона, Константин Петрович Загорский, пришел на выручку и, подняв все свои связи, помог поступить в институт.

Так Ольга Загорская стала студенткой МГИМО, одного из самых престижных институтов в Москве.

Со своим сыном Константин Петрович не церемонился, никаких протекций не делал, объясняя свое поведение тем, что Антон – мужчина и должен добиться всего в жизни сам. Похожая история произошла и с армией. Полагая, что служба закалит характер сына, Константин Петрович, имея все возможности отмазать свое чадо от исполнения священного гражданского долга, никаких шагов предпринимать не стал, и Антон отправился защищать родину. Вернувшись в родные пенаты, Антон решил оставить на время идею получить высшее образование, теперь ему надлежало содержать семью, и он, недолго думая, устроился на работу в милицию.

То, что отец души не чает в его молодой супруге, балует ее дорогими подарками, ужасно нравилось Антону. Делая предложение Ольге, он сильно переживал, примут ли провинциалку в семью. И теперь, видя нежное отношение отца к Ольге, он успокоился и простил родителю все прошлые обиды. В конце концов, именно благодаря отцу он встретил Ольгу, стал мужчиной, и теперь у него настоящая семья. Так думал Антон до тех пор, пока однажды не вернулся раньше времени домой...

Развода не последовало. Антон молча вышел в другую комнату и застрелился из табельного пистолета. Дело замяли. Списали все на неосторожное обращение с оружием. Ольгу опять все жалели. Единственное, что удивляло близких Антона больше всего во всей этой ужасной истории, – это резкая перемена отношения свекра к невестке и категорическое нежелание ее видеть.

Оказавшись без мужа и финансовой поддержки свекра, привыкшая к роскоши, хорошей еде и дорогой одежде, Ольга горевала недолго. При ней осталось главное: ум, красота и, что немаловажно, прописка в Москве. Она блестяще окончила институт, но никто не торопился предлагать ей высокооплачиваемую работу. Проблема решилась просто – имея в своем арсенале эффектную внешность, девушка снова не побрезговала воспользоваться своим телом для достижения поставленной цели. Новый любовник помог получить работу в Интуристе в качестве переводчицы. Для Ольги это было пределом мечтаний. Она патологически ненавидела мужчин, но постель ее редко пустовала, разве что теперь в ней оказывались по большей части иностранцы. Как ни странно, оставшиеся на всю жизнь шрамы на спине заводили мужчин больше, чем ее красота. Любовники сменяли друг друга, дарили подарки, оказывали услуги. С помощью мужчин ей легко удавалось взбираться по карьерной лестнице. Экскурсионные автобусы, с которых начинала Загорская, очень скоро сменились шикарными автомобилями высокопоставленных персон.

После печальной истории, произошедшей с Антоном, о замужестве она не задумывалась. Брак мог помешать ее успешной «карьере». Рождение ребенка тоже не входило в ее планы, и когда Ольга неожиданно забеременела, то незамедлительно стала собирать документы на аборт.

Отрицательный резус крови и строжайший запрет на прерывание беременности прозвучали как приговор. Незапланированная беременность могла в один миг испортить налаженную жизнь и лишит работы. Ольга сразу возненавидела еще не рожденного ребенка, но на операцию все же не пошла. С любовниками пришлось на время проститься. На работе, чтобы никто не узнал о ее интересном положении, Ольга носила плотный корсет и объемные платья, а на последних месяцах, когда спрятать живот уже было невозможно, взяла отпуск за свой счет, под предлогом ухода за близкой родственницей, и поехала в маленький поселок в Тверской области, где действительно проживала троюродная сестра ее непутевой матери.

Полина родилась крепкой и здоровой, только очень маленькой. Отказаться от ребенка Загорская побоялась и оставила девочку на временное воспитание родственнице, предварительно обговорив с той финансовую сторону дела. Ни на секунду Ольга не задумалась тогда о том, что ребенок может повторить ее собственную судьбу, и невольно сама повторила ошибку своей матери.

Клавдия Ивановна, тучная пожилая женщина, сильно нуждалась в деньгах. Проработав учителем младших классов ближайшей школы и устав от неблагодарности своих подопечных чад, она вышла на пенсию и пыталась прокормиться с помощью собственного огорода. Предложение Ольги взять на время Полину и, таким образом, поправить материальное положение она восприняла с радостью.

О жизни девочки Загорская узнавала из подробных писем Клавдии, которые та посылала Ольге еженедельно. Отрабатывая свои деньги, Клавдия Ивановна старалась, как могла. Полина росла, Клавдия учила ее всему тому, что знала. Девочка жадно впитывала в себя знания и к шести годам уже свободно читала, складывала простые числа и могла без запинки декламировать сложные стихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.